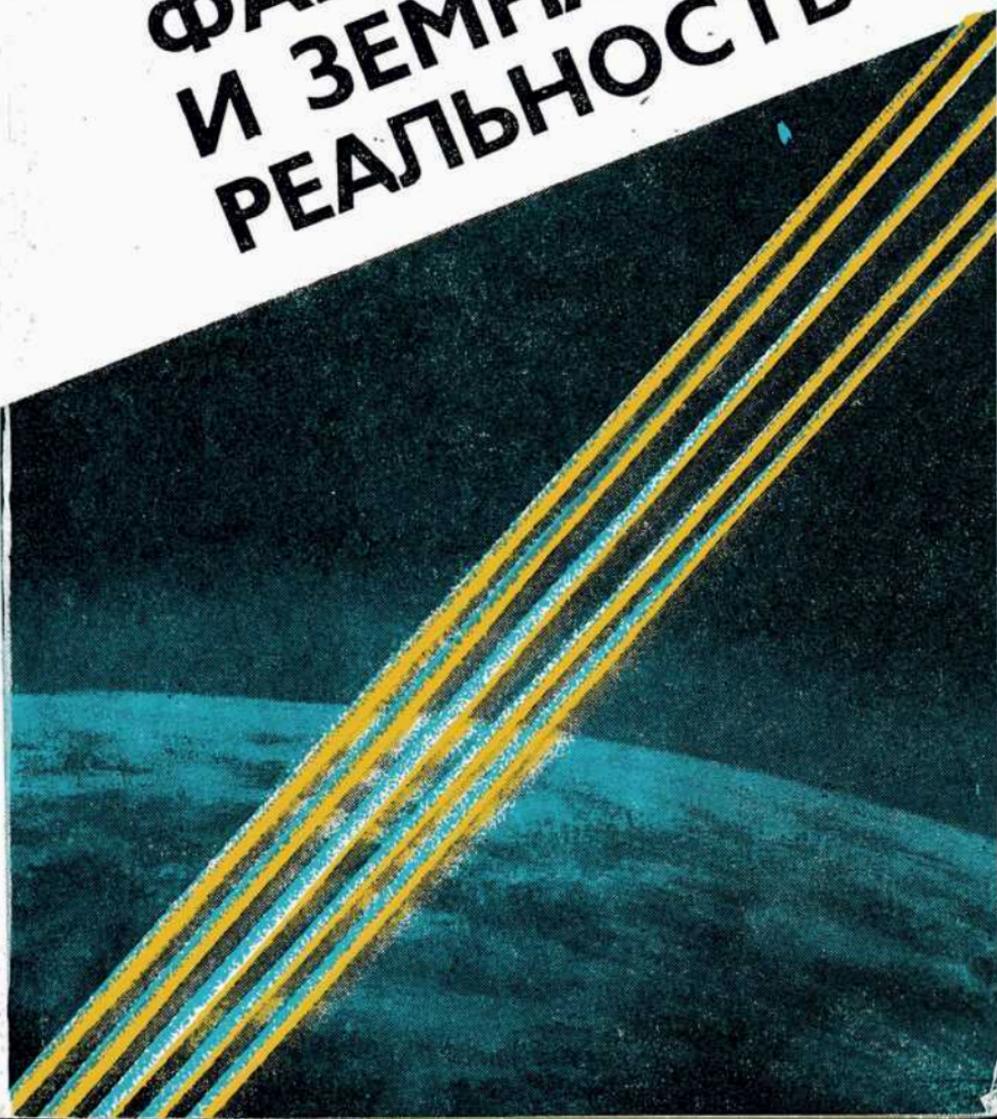

ПО ТУ СТОРОНУ

Александр Бовин

КОСМИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ И ЗЕМНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПО ТУ СТОРОНУ

Александр Бовин

**КОСМИЧЕСКИЕ
ФАНТАЗИИ
И ЗЕМНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1986

32И
Б72

Художник И. С. Клейnard

0804000000-104
М-105(03)86

КБ-50-9-1986

© Издательство «Советская Россия», 1986 г.

Прорвется ли гонка вооружений в околоземное космическое пространство или это удастся предотвратить — таков один из наиболее злободневных политических вопросов конца XX века. Пока ответ неясен. Пока позиция официальных кругов США оставляет место для самых мрачных прогнозов. И это впечатление не изменилось после женевской встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана. Американское руководство не захотело понять и принять нашу логику, исходящую из настоятельной необходимости предотвратить милитаризацию космоса.

Под предлогом создания широкомасштабной, выходящей в космос противоракетной обороны (ПРО), которая, как нас убеждают, призвана сделать ядерное оружие «бессильным и устаревшим», Пентагон готовится развернуть ударные военно-космические системы самого различного назначения. Не надо обладать развитым воображением, чтобы представить реакцию Советского Союза. Он будет вынужден пойти на контрмеры как наступательного, так и оборонительного характера. Нетрудно предсказать и общий результат американской «инициативы»: с обеих сторон будет больше оружия и меньше безопасности.

И те, кто это понимает, кто это чувствует, пытаются изменить ход событий, пытаются заставить администрацию США отказаться от опасных планов. Острые дискуссии, ведущиеся в США и за их пределами вокруг проектов милитаризации космоса, охватывают все социальные этажи — от «простых» людей до политической элиты. Глубокая трещина расколола американское научное сообщество, к которому в первую очередь и был обращен призыв Рональда Рейгана «защитить Америку». Ученые, сообщает «Вашингтон пост», обрушивают друг на друга «гипотетические сценарии, математические формулы и просто брань. Сторонники «звездных войн» обвиняют критиков в том, что те занимаются «грязной работой», а критики обвиняют сторонников в том, что те «ведут себя, как гиены». На книги, претендующие на демонстрацию научной не-

состоятельности концепции «звездных войн», отвечают распространяемыми в частном порядке докладами, в которых стремятся показать, что «критики не знают того, о чем говорят». Страсти накалены. Борьба продолжается.

И, думаю, каждому человеку, который хочет разобраться в происходящем, заглянуть «по ту сторону» официальных заявлений, полезно знать основные факты и суждения, касающиеся космических претензий США. Чтобы сделать эти факты и суждения более рельефными, я буду предоставлять слово как сторонникам, так и противникам «звездных войн», Обилие «цитат», возможно, делает изложение громоздким, но зато позволяет читателю получить материал из первых рук, ощутить атмосферу споров, остроту столкновений, ведущихся вокруг намерений администрации США подхлестнуть военное освоение ближнего космоса.

Чуть-чуть истории

В США давно интересуются космосом. И в числе самых «интересующихся» всегда были военные. Хиросима и Нагасаки стимулировали этот интерес и дали масштаб для сравнений. Еще в 1946 году, когда космос был почти полностью в распоряжении писателей-фантастов, руководство военно-воздушных сил США заказало и получило доклад «Предварительный проект экспериментального космического корабля для полетов вокруг Земли». В нем говорилось: «Вывод на орбиту американского спутника... вероятно, вызовет такую же реакцию, что и взрыв атомной бомбы... Государство, которое первым добьется важных успехов в космосе, будет признано лидером в военной и научной области», Американцы были уверены, что дорогу в космос проложат именно они. На них работал «сам» Вернер фон Браун, крупнейший немецкий ракетостроитель... Но события стали развиваться в несколько неожиданном для американцев направлении. Первый ис-

кусштвенный спутн-им Земли быт запущен в Советском Союзе.

Америка всполошилась. Тогдашний лидер демократического большинства в сенате США Линдон Джонсон заявил: «Римская империя контролировала мир потому, что сумела построить дороги. Затем— с освоением морей — Британская империя заняла доминирующее положение, поскольку имела в своем распоряжении корабли. В век авиации мы имели могущество потому, что у нас были самолеты. Сейчас коммунисты создали плацдарм в космическом пространстве». Пугая себя и всех «коммунистами», Пентагон с конца 50-х годов сделал космическую компоненту органической частью военно-технических разработок. В цифрах это выглядит так. Начиная с 1958 года США израсходовали на космическую деятельность около 150 миллиардов долларов, из них примерно треть на военные цели.

Приход в Белый дом Р. Рейгана способствовал усилению военно-космических амбиций. В 1982 году космический бюджет Пентагона впервые превысил бюджет Национального управления космическими программами (НАСА): 6,4 миллиарда ^{долла} против 5,9 миллиарда. А в 1984 ГОДУ ^{Соо} ^{ща} 1 ют эксперты вашингтонского неправительственного Центра оборонной информации, полный военно-космический бюджет (то есть с учетом затрат ^{пл-Г} брошенных по другим расходным статьям) почти ⁰³ в три раза превысил расходы НАСА на гражданские космические программы. И в обозримом будущем ^{ем} соотношение затрат на освоение космоса ^{будет} продолжат изменяться не в пользу НАСА.

«Звездная речь» президента

Принципиальное значение для формулирования современной космической политики США ^{имело} обращение Р. Рейгана к стране из Овального кабинета 23 марта 1983 года. В Америке много писали

6 ТоМ, кто направил президентскую м^асль в космические дали. Упоминались, в частности, «отец водородной бомбы» Эдвард Теллер и его протеже—советник (теперь уже — бывший) президента по вопросам науки Джордж Киурт. Сообщалось, что «оборонную вставку» в обращение президента сделали Роберт Макфарлейн, тогда — заместитель помощника президента по национальной безопасности, и адмирал Джон Пойндекстер, тогда — сотрудник Совета национальной безопасности. Подготовка «оборонной инициативы» держалась в тайне, и слова Р. Рейгана были неожиданностью не только для массовой аудитории, но и для большинства сотрудников Белого дома и Пентагона¹.

Итак, что же сказал президент 23 марта? Большая часть обращения была заполнена пропагандистскими трафаретами насчет «советской угрозы», призванными оправдать разбухание военного бюджета. Но под занавес президент вышел за рамки трафаретов. До сих пор, сказал он, мы поддерживали международную стабильность с помощью угрозы возмездия. Агрессия предотвращалась за счет «перспективы ответного удара,—исходя из представления о том, что никакая разумная страна не нанесет удар, который неизбежно привел бы к неприемлемым потерям для нее самой». Однако мир, основанный на обоюдных угрозах, на страхе перед неизбежностью — в случае войны — «взаимного гарантированного уничтожения», сулит мрач-

---

¹ Бывший государственный секретарь США Александр Хейг позже рассказывал: «Ребята из Белого дома сказали: «Давай, босс, не теряйся. Можно наделать много шума. Ты будешь выглядеть как величайший руководитель Америки. Так что вперед, толкай свою речь». Однако,—продолжал А. Хейг,—надлежащей подготовки проведено не было. Я знаю, какая атмосфера царила на следующий день в Пентагоне. Там повсюду толпились люди, спрашивая друг друга: «А что это за чертовщина — стратегическая оборона?»

Кстати, сам Рейган склонен отрицать роль советников в появлении у него идеи стратегической обороны. «Любопытно,—обиженно заметил он корреспонденту «Ньюсуик»,—как все уверены в том, что я непременно должен был об этом услышать, что я никогда не мог придумать это самостоятельно. На самом деле я сам додумался до этого».

нее будущее. Дух человека, воскликнул президент, «должен быть способен подняться выше поддержания отношений с другими странами и с другими людьми на основе угрозы их существованию».

Дальше следуют два почти риторических вопроса: «Разве не было бы лучше спасти жизнь людей вместо того, чтобы мстить за погибших? Разве мы не способны продемонстрировать наши мирные намерения, направив все наши способности и нашу изобретательность на обеспечение подлинно надежной стабильности?» Можем — и должны! — сам себе отвечает президент. И продолжает: будущее, которое сулит надежду, состоит в том, что «мы приступаем к выполнению программы противодействия ужасающей советской ракетной угрозе с помощью мер оборонительного характера». Опираясь на высокий уровень развития американской техники! обещает президент, «мы сможем перехватить и уничтожить стратегические баллистические ракеты прежде, чем они достигнут нашей территории или территории наших союзников».

Создание широкомасштабной и высокоэффективной системы ПРО,— признает Р. Рейган,— это «труднейшая техническая задача». Ее решение потребует «многих лет, вероятно, десятилетий». И пока будут идти поиски решения, «мы должны неизменно сохранять ядерные силы сдерживания и надежный потенциал гибкого реагирования». И еще пассаж из президентского обращения: «Я ясно сознаю, что у оборонительных систем вооружений имеются недостатки и что они создают определенные проблемы и двусмысленности. В сопоставлении с наступательными системами вооружений они могут рассматриваться как благоприятствующие агрессивной политике, а этого не желает никто».

Обратите внимание: не пожалев красок, чтобы живописать «советскую угрозу» и достоинства предлагаемой им «оборонной инициативы», президент лишь прикоснулся к вопросу чрезвычайной важности. Оказывается, на протяжении «вероятно, десятилетий» сооружение прочного щита будет сопровождаться сохранением ракетно-ядерного на-

ступательного потенциала. И президент понимает, что такой «параллелизм» может рассматриваться как создающий угрозу агрессии, как провоцирующий усиление международной напряженности. Чтобы рассеять такое впечатление,— а в нем, как мы увидим, просвечивает суть проблемы,— Р. Рейгану понадобилось всего четыре слова: «Этого не желает никто». Считая, видимо, что сказанное им выше всех сомнений и должно приниматься на веру, президент заключил: «Я призываю наших ученых, которые создали для нас ядерное оружие, переключить их таланты и способности на защиту человечества и мира во всем мире и создать для нас средства, которые сделают ядерное оружие бессильным и устаревшим». Так сказал президент. И сказанное им получило официальное наименование «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ)¹.

Р. Рейган, как опытный политик и политикан, тонко чувствует атмосферу в стране, психологический настрой широких масс. Выступая со своей «инициативой», он наверняка учитывал, что Америка охвачена страхом и неуверенностью. Понимание катастрофичности, самоубийственности ракетно-ядерной войны² порождало пацифистские веяния,

¹ Любопытный факт: в речи Р. Рейгана ни слова нет о космосе. Но уже первые официальные и неофициальные комментарии показали, что предложенная система ПРО предусматривает вывод в космос боевых систем, предназначенных не только для уничтожения баллистических ракет, но и для других целей. Сенатор Эдвард Кеннеди, по ассоциации с популярной в Америке серией фильмов, назвал СОИ программой «звездных войн». Р. Рейган пытался протестовать. Но напрасно. Пытаясь выручить президента (или высмеять его), журналист Уильям Сэфайр объявил в «Нью-Йорк тайме» конкурс на переименование «инициативы». Не помогло. Лучшее «звездных войн» никто ничего не предложил...

² Опрос, проведенный в 1984 году общественной организацией «Паблик адженда фаундейшн», показал: по мнению 96 процентов американцев, «искать повод для ссоры с Советским Союзом слишком опасно в наш ядерный век». По мнению 89 процентов опрошенных, «и США и Советский Союз были бы полностью уничтожены в тотальной ядерной войне», 83 процента признали, что «мы не можем быть уверены в сохранении жизни на Земле после ядерной войны». 68 процентов не согласились с тем, что США смогут «одержать победу» в какой бы то ни было ядерной войне против СССР»

вело к росту сомнений относительно необходимости раздувания военного бюджета: зачем вновь и вновь давать деньги Пентагону, если он все равно не гарантирует спасения,

Идея президента о создании надежной обороны, гарантирующей американцам безопасность, была одной из крупных пропагандистских акций в предвидении президентских выборов 1984 года. Ее цель — успокоить американцев, снять массовую нервозность, восстановить веру в возможность выживания. Спекуляция на естественном чувстве самосохранения дала свои плоды. Очень многие американцы аплодировали Рейгану: наконец-то нашелся президент, который решил заменить «равновесие страха» равновесием безопасности и прикрыть страну надежным противоракетным щитом. И далеко не все обратили внимание на вскользь сказанные слова о том, что в течение десятилетий наращивания оборонительного щита он будет «сосуществовать» с сохранением наступательного потенциала.

В Москве точно оценили реальное положение, реальный смысл сказанного президентом. «На первый взгляд,— заявил 27 марта Ю.В. Андропов,— несведущим людям это может показаться привлекательным— ведь президент говорит вроде бы об оборонительных мероприятиях. Но это только на первый взгляд— и только тем, кто незнаком с этими вопросами-. На деле будет полным ходом продолжаться развитие и совершенствование стратегических наступательных сил США, причем по вполне определенному направлению — приобретения потенциала нанесения первого ядерного удара. В этих условиях намерение получить возможность уничтожить с помощью противоракетной обороны соответствующие стратегические средства другой стороны,- то есть лишить ее способности нанести ответный удар, рассчитано на то, чтобы обезоружить Советский Союз перед лицом американской ядерной угрозы». Однако, подчеркнул Ю. В. Андропов, все попытки добиться военного превосходства над СССР тщетны. Советский Союз «никогда не окажется безоружным перед лицом любой угрозы».

Некоторые технические аспекты

Содержание дискуссии, вспыхнувшей вокруг президентской «инициативы», подтвердило сделанную в Москве принципиальную оценку СОИ. Но прежде чем погрузиться в эту дискуссию, рассмотрим вкратце техническую сторону дела — что же конкретно имеется в виду, когда речь идет о программе «звездных войн».

Работы, развернутые в рамках СОИ, сосредоточены на том, чтобы создать технические средства для решения пяти задач:

своевременное обнаружение запуска ракет и оповещение об этом элементов системы обороны;

слежение за ракетами для определения их положения во времени и пространстве;

определение характера угрозы и выявление ложных целей, чтобы обеспечить эффективное распределение оборонных ресурсов;

перехват и ликвидация баллистических ракет на всех участках траектории: разгонном, послеразгонном, маршевом и конечном¹;

оценка результатов военных действий и управление ими.

В качестве средств поражения рассматриваются две основные системы: (1) оружие направленной передачи энергии и (2) оружие с использованием высокой кинетической энергии. Согласно докладу, который представлен конгрессу министерством обороны США, под оружием направленной пере-

---

¹ На разгонном участке траектории (участке запуска) работают ракетные двигатели, на послеразгонном происходит разделение головной части на боезаряды индивидуального наведения, на маршевом участке боезаряды свободно летят в космическом пространстве, на конечном участке боезаряды входят в атмосферу и идут к цели. Наиболее эффективный вариант ПРО — поражение ракеты на участке запуска, до разделения головной части: одним ударом уничтожаются все боезаряды, которые несет ракета.

дачи энергии понимаются различные лазеры высоких энергий космического и наземного базирования¹, а также пучки частиц, испускаемых аппаратами космического и наземного базирования. Если лазеры размещаются на земле, в космос запускаются платформы с зеркалами для наведения отраженного лазерного луча на цель. Возможности пучкового оружия исследуются в двух разновидностях — пучки нейтральных частиц, преимущество которых в том, что они не отклоняются магнитным полем Земли, и пучки электронов. Механизмы поражения — прожигание, разрушение поверхности ракеты, а также вывод из строя электронной аппаратуры.

Под оружием кинетической энергии понимаются различные боевые системы космического и наземного базирования, обеспечивающие сверхвысокую начальную скорость небольших масс, предназначенных для механического разрушения ракет или боезарядов при соударении. В этом русле разрабатываются электромагнитный ускоритель масс (электромагнитная пушка), а также «умные снаряды», реагирующие на тепло поражаемой цели².

Весь этот экзотический набор, к которому нужно добавить сложнейшую систему сверхмощных компьютеров, способную обнаруживать множество

---

¹ Рассматриваются химические лазеры (работают на энергии химической связи веществ, например фтора и водорода), эксимерные лазеры (энергия выделяется при распаде нестабильных соединений, которые обычно не реагирующие друг с другом вещества образуют в специфических условиях), рентгеновские лазеры (энергия генерируется с помощью термоядерного взрыва).

² Есть сообщения, что на нынешнем этапе работы, создавая первое поколение боевых систем в рамках СОИ и учитывая вопросы технической осуществимости и стоимости, американцы смещают приоритеты: они будут делать упор на оружие кинетической энергии. «Система, работающая с использованием кинетической энергии, — заявил генерал-лейтенант в отставке, бывший начальник военной разведки Дэниел Грэхэм, — может быть развернута через пять или шесть лет после того, как будет принято соответствующее решение».

целей, вести их и направлять на них средства поражения, находится на переднем крае современной науки и во многом (пока еще) — за пределами возможностей современной техники.

Те, кто «за»

Как и следовало ожидать, президента с нескрываемым энтузиазмом поддержал военно-промышленный комплекс. «В среду вечером президент Рональд Рейган буквально несколькими словами вымел на свалку истории массу стратегических концепций, разрабатывавшихся на протяжении почти 30 лет, тысячи статей и книг, а также проектов новых систем оружия — и вообще всю пессимистическую психологию обреченности. Выдвинутая им идея была настолько преисполнена, здравого смысла и настолько принципиально важной, что миру, привыкшему к мысли о грядущем уничтожении в огне гигантского ядерного пожара, она кажется революционной». Эти восторженные слова принадлежат Д. Грэхэму, давнему стороннику ПРО. Правда, Д. Грэхэм — не поклонник лазерно-пучковой экзотики; он считает, что к цели, указанной президентом, можно прийти более коротким и дешевым путем¹. И как раз упомянутое смещение приоритетов говорит о том, что идеи Грэхэма и его сторонников постепенно получают растущую поддержку.

Теперь послушаем действующих американских военных. Они, разумеется, за противоракетную оборону. Но они мыслят более масштабно, чем

---

¹ Д. Грэхэм тесно связан с организацией «Херетидж фаундейшн», которая подготовила и опубликовала проект «Высокая граница». Он сводится к тому, чтобы в течение шести или семи лет вывести на орбиту 432 спутника, оснащенных неядерным оружием (с использованием уже имеющихся боеголовок теплового самонаведения) для перехвата ракет вскоре после их запуска. Пентагон не принял всерьез этот проект. 24 ноября 1982 года министр обороны США написал генералу Грэхэму о том, что его идея неосуществима с технической точки зрения, Времена меняются,...

президент, и слово «оборона» не слишком типично для их лексикона. «Космос является новым, высотным полем боя»,— утверждает генерал-лейтенант Ричард Генри, бывший заместитель командующего космическим командованием ВВС США. «Не нужно обладать богатым воображением, чтобы видеть, что страна, контролирующая космос, может контролировать мир»,— говорит Эдвард Олдридж, заместитель МИНИСТРА ВВС США. «Мы должны приобретать различные потенциалы ведения военных действий: «Земля — космос», «космос — осмос» и «космос — Земля»,— настаивает генерал Роберт Марш, начальник управления систем ВВС США. Понять генералов можно. Для них космос—просто еще одна среда для военной деятельности, как суша, вода и воздух. Важно освоить ее, а уж где там оборона и где наступление — это детали...

Можно понять и военно-промышленные монополии. Вскоре после президентского обращения Говард Рубел, военный специалист компании «Сайрус Лоуренс», издал бюллетень для инвесторов под выразительным названием «Деньги с неба». Воистину так! Запахло огромными заказами и многомиллиардными прибылями¹. Основные поставщики Пентагона идут в первых рядах тех, кто жаждет соорудить «надежный щит для Америки». За соответствующую мзду, конечно. Наметилось приблизительное распределение труда. «Локхид» и «Томпсон — Рамо — Вулридж» — химические лазеры, «Саудия» — эксимерные лазеры, «Дженерал дайнемиКС» и «Дженерал электрик» — электромагнитные ускорители, «Литтон индастриз» и «Хьюз эркрафт» — крупногабаритная оптика, «Боинг» и «Воут» — противоспутниковые системы и т.д. Борьба за перспективные заказы идет вовсю. К весне 1985 года между фирмами и университетами уже были распределены три крупных контракта: новые композитные материалы, новейшие вычислительные

---

¹ Сразу после «звездной речи» президента курс акций компании «Локхид» подскочил на 11 пунктов, курс акций «Мартин — Мариетта» — на 8 пунктов, «Макдрнел — Дуглас» *-* на 7 лунктоа и т* д*

методы и новые способы генерирования и хранения энергии в космосе. И это только истоки много-миллиардной реки.

На стороне Р. Рейгана консервативные и неоконсервативные организации. На стороне Р. Рейгана (с оговорками или без) такие известные политические деятели, как, например, Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер, Поль Нитце и Эдвард Роуви. На стороне Р. Рейгана ученые, прочно связавшие себя с военно-промышленным комплексом. В частности, одним из подлинных инициаторов рейгановской «инициативы» был упоминавшийся выше Э. Тёллер. Интеллект такого уровня не верит в президентские сказки о возможности всеобщего спасения за щитом ПРО. И Тёллер уточняет: «Если принцип сдерживания не сработает, то мощная эффективная оборона сможет ограничить людские страдания уровнями, характерными для предыдущих мировых войн». Наверняка не все американцы помнят, что в «предыдущих мировых войнах» погибло более 60 миллионов человек. Так что уточнение Теллера вряд ли может успокаивать. Тем более что оно явно страдает чрезмерным оптимизмом... Я упоминаю об этом уточнении Теллера потому, что многие из тех, кто заявил о поддержке СОИ, поддерживают, по существу, не столько фантастические идеи Р. Рейгана, сколько свои более реалистические, как им кажется, взгляды, свои представления об эффективной противоракетной обороне, надеясь, что именно они будут реализованы под маркой президентской «инициативы».

Те, кто «спротив»

Против «инициативы» Р. Рейгана выступил широкий фронт политиков, ученых, журналистов, людей из самых различных сфер деятельности, понимающих, что в конечном счете программа «звездных войн» не улучшит, а ухудшит стратегическое

положение Америки, не повысит, а понизит уровень ее безопасности.

«Выбор президента: «звездные войны» или контроль над вооружениями» — так назвали свою статью в солидном американском журнале «Форин афферс» четыре весьма солидных автора: Макд-жордж Банди, профессор истории Нью-Йоркского университета, бывший помощник по национальной безопасности президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона; ~ Джордж Кеннан, почетный профессор Института перспективных исследований при Принстонском университете, в прошлом посол США в СССР; Роберт Макнамара, бывший министр обороны США и президент Всемирного банка; Джерард Смит, глава делегации США на переговорах ОСВ-1. Статья начинается так: «Переизбрание Рональда Рейгана превращает будущее его «стратегической оборонной инициативы» в самую важную проблему соперничества в сфере ядерного оружия и контроля над вооружениями с 1972 года. Президент прочно связан обязательством выполнить эту программу, и высокопоставленные должностные лица, включая министра обороны Каспара Уайнбергера, дают понять, что он намерен в течение своего второго президентства активизировать свои усилия в этом направлении. Разделяя самые серьезные сомнения по поводу этого предприятия и полагая, что, если в ближайшие четыре года не ограничить его радикальным образом, оно повлечет за собой новые огромные расходы и новые опасности для нашей страны и для всего человечества, мы считаем необходимым предложить свою оценку характера и опасностей этой инициативы, призвать конгресс и население к величайшей бдительности и даже предложить победоносному президенту еще раз подумать. Хотя мы пишем эти строки после того, как получили самый квалифицированный технический совет, какой был доступен нам, наши основные заботы — политические. Мы считаем инициативу президента классическим примером добрых намерений, которые будут иметь печальные последствия, так как они не учитывают действительности».

И далее следует логичный и беспощадный анализ -программы «звездных войн».

Мы еще встретимся с основными элементами этого анализа, а пока познакомимся с некоторыми общими суждениями и оценками, которые ставят под вопрос фундамент, базовые предпосылки президентской «инициативы». Бывший руководитель программ научно-исследовательских работ в министерстве обороны США Уильям Перри: «Такую систему обороны, которая сделала бы ядерное вооружение бессильным и устаревшим, создать невозможно». Несколько осторожнее выражается профессор кафедры машиностроения и электронно-вычислительных машин Массачусетского технологического «института Джек Рюайна: от того, что есть сейчас, до эффективных систем, основанных на лазерном или пучковом оружии, как от бумажного змея до «Боинга-747». С более широких позиций рассуждает Уильям Грайдер в «Роулинг стоун»: «Президент хотел нарисовать соблазнительную картину — картину мира, избавленного от угрозы ядерного уничтожения, которая может стать действительностью, если только поверить в нее. Другими словами, поверить в почти магические возможности техники будущего, которую еще надо разработать. И поверить, что, если создать оборонительную систему из мира фантастики—«или хотя бы просто объявить о подобном намерении,—это каким-то образом вынудит Советский Союз перестать строить собственное наступательное оружие и примириться с техническим превосходством США... Мы имеем дело все с той же динамикой, которая с самого начала подстегивала гонку ядерных вооружений: вокруг новой техники, которая обещает разрешить наши земные проблемы, разгораются коммерческие страсти и возникает новый дух соперничества. Трусливые политические деятели из обеих партий не в состоянии сказать «нет» какому бы то ни было новому чудо-оружию, способному дать нам перевес над нашими противниками, пусть даже самый кратковременный». Здесь схвачена существенная черта американской дейст-

вительности: технические возможности и коммерческие интересы во многом задают направление военной политике, определяют те или иные решения в области вооружений.

Теперь—отрывок из интервью, которое профессор Корнеллского университета Карл Саган дал журналу «Коммон коз»:

«Вопрос: Что беспокоит лично вас в противоракетной обороне космического базирования?

Ответ: Прежде всего, почти наверняка не будет никакого непроницаемого щита или чего бы то ни было похожего на него. Во-вторых, это обойдется примерно в триллион долларов. Что играет определенную роль в период растущих федеральных бюджетных дефицитов. В-третьих, эти системы приведут к расторжению значительной части, если не большинства, немногочисленных стратегических договоров, заключенных между сверхдержавами.* И наконец, если над Соединенными Штатами будет создан подобный щит, а над Советским Союзом щита не будет, Советский Союз ничем не сможет запугивать нас, а у нас появится масса возможностей запугивать его. И поскольку на карту будет поставлено его национальное существование, единственная очевидная реакция Советского Союза выразится в упредительном ядерном ударе по Соединенным Штатам, чтобы помешать созданию подобных систем». По последнему пункту следует возразить профессору Сагану. Советский Союз не будет наносить «упредительный ядерный удар» по Соединенным Штатам. Будут найдены иные способы нейтрализовать угрозу со стороны американцев. А все остальное, пожалуй, не может вызвать возражений¹.

Журналисты склонны к более ярким выражени-

---

¹ В марте 1985 года государственный секретарь США Джордж Шульц, выступая в Национальной академии наук, упрекнул ученых в том, что они «слишком часто» отстаивают «политические идеи, которые, к сожалению, нельзя назвать ни ответственными, ни особо блестящими», Ученые, предупредил Дж. Шульц, «не должны надеяться», что в военно-полити-

ям, чем ученые. «Это — фантазия, некая смесь несбыточной мечты о такой технике, которой нет в природе, и путаной стратегии», — пишет о президентской «инициативе» обозреватель «Нью-Йорк тайме» Энтони Льюис. Идея Рональда Рейгана «переступает все границы научного легкомыслия», — утверждает Майкл Лернер в «Ньюсуик». Добавим к этим высказываниям выдержки из двух редакционных статей «Нью-Йорк тайме». 29 марта 1983 года: «Сильное желание президента Рейгана прикрыть Америку и ее союзников надежным антиракетным щитом является выражением страстного стремления нашего ядерного века — найти безопасное место. Однако это стремление остается пустой мечтой, привнесением фантазии в политику». 24 февраля 1985 года: программа «звездных войн» — «самая прожекторская и наименее продуманная затея ядерного века».

«А Васька слушает...»

В общем, выступление президента вызвало бурную реакцию думающей Америки. И достойно сожаления, что Белый дом не пожелал прислушаться к суждениям тех, кто критически оценивал «инициативу» президента. Уже 24 марта 1983 года, на следующий день после обращения, президент подписал директиву № 85 под названием «Устранение угрозы баллистических ракет». В июне 1983 года были созданы группа по изучению оборонной технологии, которую возглавил Джеймс Флетчер,

---

ческой области «их слова будут пользоваться особым весом». Через два месяца 700 членов академии, включая 54 лауреата Нобелевской премии, обратились к Р. Рейгану и М. С. Горбачеву с призывом не допускать размещения в космосе каких-либо систем, сходных с теми, которые предполагаются программой «звездных войн». Добавлю, что принятое в 1984 году Гёттингенское воззвание по предотвращению размещения всех видов оружия в космосе подписали почти 11 тысяч ученых из 32 стран,

бывший директор НАСА, и группа изучения перспективной стратегии обеспечения безопасности, которую возглавил Фред Гофман, директор «Пан-Эуристикс» (организация политического анализа в Лос-Анджелесе). Первая группа сформулировала долгосрочную программу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, направленных на создание противоракетных систем. Вторая изучила потенциальную роль, которую ПРО может сыграть в укреплении безопасности США и их союзников. В октябре образованная администрацией Высшая межведомственная группа обобщила выводы групп Флетчера и Гофмана и рекомендовала Р. Рейгану начать обширную программу работ в области противоракетной обороны. Для этой цели было предложено выделить на 1985—1989 финансовые годы до 27 миллиардов долларов¹. Существо рекомендаций можно изложить словами Уайнбергера: «Мы хотим создать вполне надежную систему, и в конечном счете мы действительно стремимся к созданию абсолютно надежной системы обороны от ядерных вооружений... Пока мы провели два широких исследования, в результате которых получены благоприятные ответы на вопросы об осуществимости и целесообразности этой программы. Именно из этого мы собираемся исходить».

Примерно в это же время Организация Объединенных Наций обсуждала проблему милитаризации космоса. 29 ноября 1983 года США остались одни против 121 страны, проголосовавшей в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН за резолюцию «Предотвращение гонки вооружений в космосе», которая призвала «все государства, особенно те, которые обладают крупным потенциалом

---

¹ На 1985 финансовый год (с 1 октября 1984 года по 30 сентября 1985 года) администрация запросила 1,8 миллиарда долларов; конгресс выделил 1,4 миллиарда. На 1986 финансовый год администрация просила ассигновать на программу «звездных войн» 3,72 миллиарда долларов. Сенат сократил ассигнования до 2,97 миллиарда, палата представителей — до 2,5 миллиарда. В конце концов дали 2,75 миллиарда!

в космической области, активно содействовать цели мирного использования космического пространства и принять немедленные меры для предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве». Комитету по разоружению было предложено рассмотреть этот вопрос «в первоочередном порядке».

У американцев были иные заботы и иная оочередность. 30 ноября Р. Рейган созвал первое совещание по «перспективным системам ПРО». 6 января 1984 года президент подписал директиву № 119, санкционировавшую обширную программу работ в области ПРО. Одновременно стали создаваться управленческие структуры, призванные объединить усилия разных ведомств в области военно-космических проектов. В 1983 году неподалеку от Колорадо-Спрингс началось строительство объединенного центра космических операций. Сообщалось, что готовится группа в составе 50 астронавтов исключительно для выполнения военных заданий. В 1984 году на базе космических командований ВВС и ВМФ было создано Объединенное космическое командование вооруженных сил США, которое начало функционировать 23 сентября 1985 года. Для реализации программ «звездных войн» в Пентагоне была образована специальная Организация по осуществлению стратегической оборонной инициативы (ОСОИ). Ее руководителем 16 апреля 1984 года был назначен один из ведущих военных деятелей НАСА генерал-лейтенант Джеймс Абрахамсон.

В мае 1984 года Дж. Абрахамсон, выступая в конгрессе, наметил следующие этапы создания ПРО:

научно-исследовательские работы, которые должны ответить на вопрос: стоит ли создавать систему ПРО;

при положительном ответе — и при согласии будущего президента и будущего конгресса — начнется этап разработки систем, то есть проектирование, создание и испытание компонентов системы **ПРО**;

переходный этап, начинается строительство широкомасштабной системы ПРО;

заключительный этап, завершение развертывания многоярусной оборонительной системы.

Этап научно-исследовательских работ предполагается закончить к началу 90-х годов. Относительно временных параметров следующих этапов ясности нет. Суммарно они растягиваются на несколько десятилетий. Во что обойдется полномасштабная ПРО, пока никто не знает... Называются разные цифры, вплоть до одного триллиона (1000 миллиардов) долларов. Для сравнения (в постоянных ценах 1985 финансового года): строительство Панамского канала стоило 4 миллиарда, создание атомной бомбы (проект «Манхэттен») — 15 миллиардов, создание космического челночного корабля («Шаттл») — 10 миллиардов долларов*

««Пиния Мажино космической эры»»

Наверное, за «абсолютную надежность», за то, чтобы сделать ядерное оружие «бессильным и устаревшим», стоило бы заплатить 1000 миллиардов и даже больше. Правда, понятие «абсолютность» не очень годится для обозначения человеческих свершений. Однако именно так ставит вопрос Р. Рейган и его ближайшее окружение. Программа СОИ, полагает К. Уайнбергер, если она даст положительный результат, сможет «обеспечить нам абсолютно надежную оборону от советских ракет, которая, в свою очередь, позволит избавить мир от грозной ядерной опасности». Когда, вложив определенную, пусть очень большую, пусть астрономическую сумму, можно обрести абсолютную неуязвимость, чтобы все -и при всех условиях спали спокойно, не считая, конечно, президента и министра обороны, не жалко, повторяю, заплатить 1000 миллиардов* Но вся штука в том,

что, по мнению очень многих сведущих людей, именно абсолютная надежность, абсолютная непробиваемость ПРО абсолютно невозможны.

Первый аргумент — от истории. Тысячелетняя практика вооруженных конфликтов доказала: ничто так не стимулирует наступление, как оборона. «Исторический опыт показывает, — пишет «Лос-Анджелес тайме», — что новые оборонные концепции лишь заставляют технических специалистов работать не покладая рук над созданием более действенных наступательных систем — от средневековых замков и катапульта до современных ракет, способных преодолевать системы обороны противника, двигаясь по сложной траектории». Следовательно, тот, кто пытается создать непробиваемый щит, лишь навлекает на себя дополнительную опасность, создает питательную почву для роста угрозы военного столкновения. Поэтому, заключает газета, мечта Р. Рейгана об абсолютной безопасности «превратится в кошмар, если ей будет позволено блокировать последнюю надежду на достижение соглашения между двумя сторонами о путях ослабления угрозы войны, причем сейчас, а не когда-нибудь в XXI веке».

Могут возразить: соотношение между обороной и нападением, характерное для дядядерной эпохи, нельзя автоматически, без специального анализа переносить в век ядерный. Это верно. Но именно такой анализ был произведен. И он показывает, что ужасающая сила ядерного оружия, совершенствование средств доставки, неизбежные контрмеры лишают всякого права на существование абсолютно непробиваемый противоракетный щит. «Если бы наши ведущие ученые, — пишет М. Банди, — действительно могли отыскать надежный путь, позволяющий обеспечить превосходство обороны над нападением в стратегических вооружениях, нам на самом деле необходимо было бы сделать великий выбор. Но они этого не могут, так что нам и выбирать не из чего». Что бы ни делать, чем бы себя ни загоразивать, какие бы экзотические средства ни использовать, гарантий

непробиваемости, неуязвимости нет и не может быть.

В статье «ПРО: абсолютное оружие или абсолютное безумие?», помещенной в газете «Крисчен сайенс монитор», известный журналист Дэниел Сазерленд назвал проектируемую систему ПРО «линией Мажино космической эры». Напомню, что линией Мажино окрестили систему оборонительных сооружений, развернутую французами вдоль германо-французской границы; в 1940 году немцы обошли линию Мажино через Бельгию. В принципе ситуация стандартная. «История пестрит линиями Мажино», — заметил Герберт Йорк, бывший советник по науке президента Эйзенхауэра. Линия Мажино — лишь иллюзия безопасности. «Большинство технических специалистов, — сказал профессор Джером Визнер, один из крупнейших ученых Америки, — сомневаются в том, что противоракетная оборона в космосе даст результаты. Но, даже если бы это было так, считать, что этим обеспечивается непреодолимая оборона — самообольщение. Было бы чудом, если бы нам удалось создать такую систему ПРО, которая уничтожила бы 90—95 процентов ракет; оставшихся 5—10 процентов оказалось бы достаточно, чтобы полностью стереть цивилизацию с лица Земли».

Можно, вероятно, спорить относительно процентов и относительно слова «полностью». Но бесспорно, что непреодолимая оборона остается иллюзией. Тем более что задаваемые СОВИ параметры ПРО в принципе не обеспечивают поражение бомбардировщиков и крылатых ракет, находящихся вне зоны радиолокационного обеспечения. Вывод однозначен. «Технические специалисты нашей страны, — пишут уже упоминавшиеся четыре автора, — в подавляющем большинстве своем сходятся во мнениях, что нет никаких шансов на то, что наука и техника на протяжении ближайших десятилетий сделают ядерное оружие «бессильным и устаревшем».

Отстаивая свою «инициативу», Р. Рейган нередко сравнивает проектируемую систему ПРО с зе-

нитной артиллерией. Но как раз такое сравнение вскрывает слабость, уязвимость надежд на то, что развертывание ПРО приведет к «деградации» ракетно-ядерных потенциалов, снижению их роли. Появление зенитной артиллерии не только не привело к умалению роли авиации, а, наоборот, вызвало интенсивное совершенствование бомбардировщиков, их способности преодолевать ПВО. И хотя зенитная артиллерия существует не один десяток лет, по данным французского института международных отношений, лучшие системы ПВО в состоянии сбить не более 38 процентов атакующих самолетов. Так что аналогия работает не в пользу, а против «стратегической оборонной инициативы».

Действие и противодействие

Оправданные сомнения относительно возможностей ПРО, насколько я понимаю, вовсе не означают неверие в возможности науки и техники. Когда генерал-лейтенант Абрахамсон говорит: «В нашей стране мы можем в техническом плане сделать практически все, что угодно, если мы решим, что хотим это сделать», — я склонен с ним согласиться. Опыт и интуиция подсказывают: возможно все, что не противоречит законам физики. И в этих рамках любые технические ограничения временны. Другой вопрос — сколько времени и средств потребует реализация того или иного темвчоокого варианта, и насколько он будет эффективен. Но в границах, определенных законами природы, технические возможности человека безграничны.

Опасность не в том, что американцы отдают должное своему научно-техническому потенциалу. Опасность в том, что своеобразный технический нарциссизм, беспредельное восхищение собственными техническими возможностями ведут к явной недооценке возможностей и способностей потенциального противн'И.ка. Пытаясь усювестить маловеров, К. Уайнбергер часто говорит: сегодняшние

скептики столь же неправы, как и те, кто утверждал, что мы никогда не доберемся до Луны. Ему убедительно ответила «четверка»: «Попытка добраться до Луны не осложнялась присутствием противника. Взвод враждебных обитателей Луны с топорами в руках мог бы обратить это дело в катастрофу...» А ведь в данном случае оснащение другой стороны явно не ограничивается топорами. Американцы зря уповают на свое техническое (и технологическое) превосходство. Развернутая в космосе лазерная станция, способная уничтожать ракеты противника, сама может быть уничтожена. А если такую станцию удастся оградить, в том числе и от ударов лазерного оружия, то точно так же можно оградить от них и баллистические ракеты. Дело, повторяю, не в том, что невозможно создать лазерное и (или) пучковое оружие, способное уничтожать ракеты, а в том, что «само это оружие может быть уничтожено. Ведь, в частности, лазерный луч или пучок частиц могут быть как средством обороны, так и средством нападения, пробивания обороны. Впрочем, для последнего оборонительной экзотике вовсе не обязательно противопоставлять экзотические средства нападения. До сих пор никто не доказал, что оборонять крупные и сложные системы в космосе проще и дешевле, чем уничтожить их. И, пожалуй, легче доказать обратное.

В американской литературе рассматривается широкий спектр пассивных и активных мер противодействия, способных парализовать ПРО или, во всяком случае, заметно снизить ее эффективность. Например, ядерные взрывы в космосе, которые ослепят инфракрасные датчики и выведут из строя радиолокаторы; «укрытие» атакующих ракет за ионизированными зонами космоса, создаваемыми при помощи ядерных взрывов; противолучевые снаряды, выводящие из строя радиолокаторы космического и наземного базирования; космические мины или инертные предметы, используемые против хрупкой космической аппаратуры; вращение ракет вдоль оси движения и покрытие их специальным отражающим слоем, что резко снизит

эффективность лазерной атаки; и т. д. и т. п. Программа СОИ предусматривает специальный комплекс исследований, посвященных выживаемости отдельных компонентов ПРО. Но это ничего не меняет в принципиальной постановке вопроса: на всякое действие будет найдено противодействие.

Американцы, видимо, утешают себя обратным тезисом: на всякое противодействие будет найдено контрпротиводействие. Вот любопытный фрагмент из интервью Дж. Абрахамсона: «То, о чем вы упомянули,— заявил он,— тезис, гласящий, что любую оборону можно преодолеть путем очередной стадии в создании наступательного оружия,— об этом постоянно твердят наши критики из области науки, и в первую очередь «Союз обеспокоенных ученых». Об этом говорят и в других кругах. И на меня обрушивается поток научного жаргона, который я просто вынужден отвергнуть. Я иду дальше и заявляю: тут уже начинают нести всякий вздор». После столь энергичных выражений может сложиться впечатление, что главный космический генерал решительно отрицает упомянутый им тезис — «любую оборону можно преодолеть...». Но нет,—оказывается, и он считает, что «безупречная оборона нереальна». Правда, генерала это мало смущает, «Просто» это значит, что на пути создания ПРО не придется делать передышек. «Ведь когда-нибудь у другой стороны вновь появится какая-то светлая голова с новой идеей о том, каким образом можно пробить «оборонительный щит». На это нам вновь придется найти какой-то ответ». Итак, одни «светлые головы» против других, одни «новые идеи» против других... И мы удаляемся в дурную бесконечность чередования мер и контрмер, что равнозначно перманентной гонке вооружений. Ситуация парадоксальная: человек, которому поручено руководить реализацией президентской «инициативы», начинает с того, что практически полностью ее перечеркивает. Ибо вряд ли можно всерьез думать о «взаимной гарантированной безопасности» в условиях бесконечного состязания сторон в создании оборонительных и наступательных вооружений,

Ненадежная надежность

Отрицание «абсолютности» предполагаемых систем противоракетной обороны идет и по другой линии. Не через возможность противодействия, преодоления их извне, а через неизбежные нарушения надежности сложных систем из-за всякого рода внутренних технических причин. Познакомимся в этой связи с рассуждениями Колима Грея, президента Национального института государственной политики (Фэрфакс, Вирджиния) и Кейта Пейна, вице-президента того же института: «Экзотические оборонительные системы могут катастрофическим образом не сработать в боевых условиях. Очень сложные системы, которые должны объединять многочисленные сложные функции в условиях контрмер, неизбежно обладают определенной степенью ненадежности». Обычно степень ненадежности может быть снижена или по крайней мере точно определена в ходе испытания системы. «Но в данном случае может быть только одно испытание— реальные боевые действия. А пока они не начались, все сомнения относительно надежности остаются в силе».

И далее авторы от техники переходят к стратегии. «Эта ненадежность, затрагивающая оперативную эффективность всей системы, может убедить руководителей обеих сверхдержав, что вооруженное столкновение по-прежнему будет означать «неприемлемый» уровень разрушений. Перспектива катастрофической неисправности средств обороны или большой проницаемости их должна служить своего рода остаточным фактором наступательного сдерживания. Это, безусловно, должно исключить возможность, что у какого-либо политического руководителя зародится мысль, что мир стал абсолютно «безопасным» для неядерной войны крупного масштаба».

Утверждая это, оба автора отнюдь не хотят сказать: надо во что бы то ни стало избежать любой войны — ядерной или неядерной. И Грей, и

Пейн известны своим «боевым духом», своими настойчивыми попытками реабилитировать Клаузевица, доказать, что победа в ракетно-ядерной войне вполне возможна...

Тут, видимо, следует сделать небольшое пояснение. Гениальная формула Карла Клаузевица — «война есть продолжение политики, но иными, насильственными средствами» — имеет два значения. Во-первых, она может рассматриваться как простая констатация: любая война, большая или малая, ракетно-ядерная или обычная, всегда была, есть и будет продолжением политики. Здесь Клаузевиц аксиоматичен и неподвластен времени. Но, во-вторых, формула Клаузевица может рассматриваться и как рекомендация: для достижения данной политической цели можно выбрать либо мирные, либо немирные средства. Все решает конкретное стечение обстоятельств, конкретное соотношение сил. Именно здесь Клаузевиц устарел. Если ракетно-ядерная война будет означать мировую катастрофу, если она может привести к гибели человечества, — а большинство исследователей склоняется к этому выводу, — то нет и не может быть политической цели, ради достижения которой имеет смысл использовать такое «средство». Клаузевиц исходил из того, что в любой войне будет победитель и будет побежденный. Применительно к ракетно-ядерной войне понятие «победа» утрачивает какие-либо рациональные очертания. Не будет победителя, будут только побежденные. Найти стратегию, которая позволила бы «выиграть» ракетно-ядерную войну, — а как раз такими поисками занимаются К. Грей и К. Пейн, — все равно что вычислить квадратуру круга. Задача не имеет решений.

Однако оба указанных автора, да и не только они, пытаются вернуть военную доктрину в классическую эпоху, когда действовала система координат Клаузевица. Они поддерживают военную политику Р. Рейгана и, в частности, его космическую «инициативу». И все-таки даже они понимают, что надежда на непробиваемый щит иллюзорна и что при любом щите потребность в потенциале сдер-

живания не отпадает. И это опять-таки перечеркивает официально объявленную конечную цель президентской «инициативы» — отправить в музей ядерное оружие.

«Поэтапность»

И «многослойность»

Почувствовав, что насчет «неуязвимости», «непробиваемости», «абсолютности» и прочее они явно перебрали, защитники концепции «звездных войн» стали постепенно покидать звездные дали и приближаться к Земле. Переход на вторую линию обороны осуществляется по двум главным направлениям. Одни — прежде всего сам президент и его команда — продолжают настаивать на том, что «конечная цель» — это все-таки «абсолютно надежная» ПРО. Но на пути к ней, который может занять длительное время, будут реализованы промежуточные, частичные варианты ПРО, которые постепенно, взаимодействуя друг с другом, дополняя друг друга, и образуют «непробиваемый щит». Другие предпочитают лишь вскользь упоминать о «конечной цели» (или вообще молчат о ней), делая упор на более достижимые и отнюдь не «абсолютные» варианты ПРО, предназначенные в первую очередь для защиты ракетных комплексов и пунктов управления. С последующим, но необязательным наращиванием новых слоев ПРО. И тех и других объединяет, по существу, одна мысль: пока насчет журавля не очень ясно, пусть хотя бы синица окажется в руках.

Обстоятельно обосновывают идею «многослойности» и «поэтапности» (ближе к первому направлению) К. Грей и К. Пейн. «...Ограниченная оборона американских сил ответного удара необязательно несовместима с будущей экзотической системой обороны городов. Более того, эти две функции и системы будут весьма совместимы и, может быть, даже необходимы для стабильного перехода к ори-

Энтации на оборону. §сеоёемялющая система ГПРО .потребует множества ярусов обороны, включая базирующиеся на Земле перехватчики ракет, а не только экзотическую лучевую технологию. Подобная система использует целый ряд ярусов обороны для перехвата ракет противника на различных этапах их полета. Можно представить себе большее и меньшее число защитных ярусов обороны, в зависимости от количества и типов развернутых систем. Расположение оборонительных сил в виде множества ярусов средств перехвата может дать исключительно эффективную систему обороны. Так, например, пять ярусов перехватчиков оборонного назначения при 85-процентной эффективности каждого яруса приведут к тому, что общее число ракет противника, которые "достигнут своей цели, будет меньше, чем 0,01 процента от числа запущенных ракет. Если по США при наличии подобной многоярусной оборонительной системы будет выпущено 10 тысяч боеголовок, то самое большее одна-единственная боеголовка будет иметь шанс прорваться к своей цели». Такова модель многослойной обороны, так сказать, в чистом виде.

Рассуждения вроде бы вполне убедительны. Если на них поставить точку. Но есл-и вспомнить о возможности контрмер, если вспомнить, что писали эти же авторы о надежности, вернее, о ненадежности сложных космических систем, то слова об «одной-единственной боеголовке» следует воспринимать как утешительную абстракцию. Уточняя свою позицию, К. Грей и К. Пейн пишут, что «нижние» ярусы ПРО должны защитить «американские

---

¹ В специальном исследовании, изданном американским «Союзом обеспокоенных ученых», сказано так: «Тотальная противоракетная оборона, то есть защита американского общества от полномасштабной ядерной атаки, недостижима... Ни в одной из фаз отражения этой атаки нельзя ожидать эффективности, которая в достаточной мере сократила бы число боеголовок, достигающих территории США, и предотвратила бы беспрецедентную гибель людей и разрушения. Наоборот, на каждой из фаз имеются неразрешимые проблемы, в результате чего сбой системы возрастает в геометрической прогрессии от одной фазы к другой».

межконтинентальные баллистические ракеты, базы стратегической бомбардировочной авиации и отдельные важнейшие объекты командования, наведения и связи». Причем, даже если создание последующих более «высоких» ярусов будет по политическим и техническим причинам «отложено или отменено», развертывание обороны ограниченного охвата будет иметь «сваи стратегические плюсы».

В целом, если не считать продолжающейся демагогии о «конечных целях», администрация приняла такой подход. В конце 1984 года Белый дом выпустил специальную пропагандистскую брошюру «Стратегическая оборонная инициатива президента Рейгана». С предисловием самого президента Там сказано: «Концепция многослойной обороны может оказаться чрезвычайно эффективной, поскольку следующие один за другим слои оборонительной системы, функционируя в тесном взаимодействии, представляют широчайшие возможности уничтожения ядерных боеголовок задолго до того, как они приблизятся к нашей территории или к территории наших союзников. Столкнувшись с оборонительной системой, состоящей из ряда автономных оборонительных слоев, противник найдет затруднительным для себя переконструировать свои ракеты и их боеголовки для проникновения сквозь эти слои. Более того, во время стартового, послестартового и последующего этапов траектории баллистических ракет средства ПРО не различают атакующие ракеты по целям, на которые они направлены, а просто уничтожают ядерные боеголовки, тем самым защищая наш народ и нашу страну. Для обеспечения эффективности многослойной обороны как фактора сдерживания не обязательно даже достигать стопроцентной гарантии перехвата и уничтожения всех ракет противника. Достаточно лишь вселить в сознание потенциального агрессора неуверенность и сомнение относительно его шансов преуспеть в осуществлении целей агрессии. Концепция многослойной ПРО будет безусловно способствовать этому». Нет смысла спорить с пропагандистским аппаратом Белого дома относитель-

но «потенциального агрессора». Тут американским «ястребам» отступить некуда, иначе, если допустить, что СССР — не «потенциальный агрессор», рухнут все их наступательные и оборонительные концепции. Что же касается «затруднительности», то соображения Дж. Абрахамсона о «светлых головах» гораздо ближе к реальности, чем высокомерный оптимизм Белого дома.

Но главное в приведенном тексте состоит вот в чем. Упирая на эффективность многослойной обороны, Белый дом делает вид, что все ее слои появятся практически одновременно или даже «верхние» раньше «нижних». Ведь только в этом случае можно было бы уничтожить боеголовки «задолго» до того, как они приблизятся к территории США или же к территории их союзников. И только в этом случае можно говорить о том, что средства ПРО «не различают атакующие ракеты по целям». Утверждая все это, Белый дом пытается скрыть от американцев тот все более очевидный факт, что «нижние» слои ПРО, о которых практически пока и может идти речь, будут ориентированы не на то, чтобы защищать «наш народ и нашу страну», а на то, чтобы прикрыть ракетно-ядерное оружие и тех, кто им распоряжается.

Двухъярусный вариант

Предлагается и более упрощенный, двухъярусный вариант ПРО. К нему склоняются, например, Зб. Бжезинский (бывший помощник по национальной безопасности Дж. Картера, а ныне — профессор Колумбийского университета и старший советник центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете), Роберт Джастроу (физик, основатель Годдардского института космических исследований) и Макс Кампельман (глава делегации США на советско-американских переговорах в Женеве). Он-и считают, что не нужно десятилетиями ждать разработки экзотических

средств ПРО. «Выполнив некоторые дополнительные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы,—пишут Зб. Бжезинский, Р» Джастру и М. Кампельман,—мы уже сейчас могли бы создать двухслойную, иначе — двухъярусную оборону; её можно было бы развернуть в начале 90-х годов, и, по нашим расчетам, на это потребовалось бы что-то около 60 миллиардов долларов». По мысли авторов, системы ПРО первого, «верхнего», яруса должны сбивать ракеты на участке разгона, а второго, «нижнего»,—три подлете к цели. В обоих случаях не предполагается использование лучевых или пучковых средств поражения. «По самым скромным подсчетам,—продолжают авторы,—каждый ярус обороны обеспечивал бы эффективную защиту на 70 процентов. Совокупная эффективность обоих ярусов обеспечивала бы надежность обороны на 90 с лишним процентов. Таким образом, даже не каждая десятая советская боеголовка достигла бы цели—этого было бы вполне достаточно, чтобы лишить советских руководителей надежды нанести успешный первый удар».

В этом варианте не говорится о том, что все американцы могут спать спокойно,—а ведь именно это составляло основу президентской «инициативы». И хотя авторы толкуют о том, что «абсолютно надежный щит» должен остаться конечной целью, вера в этот абсолют подрывается всем ходом их рассуждений. Они думают не о том, чтобы сделать Америку неуязвимой, а о том, чтобы обеспечить «защиту органов управления, а также наших ракет и стартовых шахт». И соответственно это не имеет никакого отношения к рейгановской иллюзии «абсолютной» обороны. Ставится вопрос об усилении потенциала сдерживания (то есть о мерах по прикрыванию наступательных стратегических сил), что, если не гадать о намерениях, не может не рассматриваться как создание возможностей для нанесения первого удара.

Выступая в сенатской комиссии по делам вооруженных сил Зб. Бжезинский заявил, что предлагав»

мая администрацией система ПРО, которая «была бы нацелена на защиту всего населения США»,— а это сердцевина президентской «инициативы»,— стала бы дестабилизирующим фактором, «так как другая сторона оказалась бы незащищенной». И поэтому Зб. Бжезинский предлагает «ограниченную систему стратегической обороны».

Примерно так же рассуждает и Г. Киссинджер. Он считает, что «безупречная оборона нашего населения почти наверняка недостижима». Но, полагает он, существование «какой-то обороны» имеет смысл. «Это колоссально осложняет расчеты нападающей стороны,— аргументирует свою позицию бывший государственный секретарь.— Все, что усиливает сомнения, приводит к колебаниям и, увеличивает сдержанность». И далее: «Этот аргумент становится еще убедительнее, если рассмотреть защиту пусковых устройств для межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Оборона гражданского населения должна быть почти на 100 процентов эффективной, в то время как оборона, обеспечивающая защиту даже 50 процентов ракет наземного базирования и баз ВВС, колоссально увеличивает эффект сдерживания. Стимул для нанесения первого удара резко, а может быть, и в решающей степени уменьшится, если агрессор будет знать, что половина МБР противника выдержит планируемый удар». Г. Киссинджер, как и Зб. Бжезинский, вроде бы одобряют «инициативу» Р. Рейгана. Но, по существу, оба толкуют о другом. Без экзотики. Без пустопорожние мечтаний. Население защитить нельзя. Надо защищать пусковые шахты МБР и базы ВВС. Но в такой интерпретации президентская «инициатива» как раз и приобретает реальный смысл: она направлена на то, чтобы усилить живучесть американского ядерного оружия.

Осторожно, с недомолвками, но' об этом начинают говорить и официальные лица. «Представляется вполне вероятным,— заявил заместитель министра обороны США по политическим вопросам Фред Икле в сенатской комиссии по делам вооруженных сил,— что компоненты многоярусной си-

етемы обороны можно развернуть раньше, нежели систему в целом. Эти промежуточные варианты системы ПРО, будучи не в состоянии гарантировать такую же защиту, как полная многоярусная система, тем не менее открывают определенные возможности». Вот именно. И среди этих «определенных возможностей», если посмотреть на них из Москвы, несомненно, есть возможность нанесения первого удара в расчете выжить за щитом «промежуточных вариантов» ПРО. Причем суть этих «вариантов» в конечном счете сводится к тому, о чем шли споры в 60-е годы, то есть к созданию так называемой терминальной системы обороны (радиолокационные станции наземного базирования плюс ракеты-перехватчики), призванной обеспечить поражение боезарядов на конечном участке траектории, при подходе к цели.

Секрет «звездных войн»

Можно сказать, что в Соединенных Штатах ныне переплетаются, накладываются друг на друга две дискуссии. Одна вращается вокруг первоначальной идеи СОИ — можно ли рассчитывать на создание неуязвимого, «абсолютно надежного» противоракетного щита и не этой основе отказаться — пусть в отдаленном будущем — от угрозы ответного ядерного удара как средства сдерживания. Причем споры на эту тему становятся всё более абстрактными, как бы отходят в тень, вызывают все меньше эмоций. Зато на первый план выдвигается другая дискуссия. Она ставит в центр внимания иные вопросы — надо ли создавать частичную, рассчитанную на прикрытие отдельных целей противоракетную оборону? Какую роль — стабилизирующую или дестабилизирующую — сыграет такая оборона?

Нетрудно понять, что сопровождаемый расшаркиванием перед президентской «инициативой» упор

на «плотную» оборону ракетно-ядерного оружия плюс пунктов командования означает тактический маневр, призванный прикрыть отступление от СОИ. Вместо обещанного президентом «сдерживания» путем гарантированной защиты от ракетно-ядерного удара (противник не нападет, ибо будет понимать, что его удар вообще не достигнет цели) речь теперь идет о «сдерживании» путем защиты сил ядерного возмездия (противник не нападет, ибо будет понимать, что его удар не ликвидирует потенциал ответного удара). При этом, к сожалению, забывают, что «противник» имеет все основания рассматривать «силы возмездия» как потенциал нападения, а сооружение даже частичной ПРО как подготовку к нанесению первого удара.

Последовательные сторонники СОИ пытаются противостоять девальвации президентской идеи. Интересны в этом плане рассуждения Дж. Киурта. По его мнению, на пути осуществления СОИ находятся две «замаскированные ловушки». Ловушка № 1 «заключается во внешней двойственности цели: является ли СОИ средством защиты людей или защиты оружия?». Защита оружия, совершенно справедливо полагает Киурт, которую многие выдвигают как первейшую задачу СОИ, не выводит за рамки доктрины гарантированного уничтожения. Ловушка № 2 «состоит в явной двусмысленности средств. Здесь вопрос состоит в том, предлагает ли СОИ технологию, которая действительно приведет к коренным переменам, или же речь идет о технологии, которая лишь закрепит существующее положение вещей?». И Киурт делает вывод: «Когда был впервые выдвинут проект СОИ, он выдвигался с надеждой на то, что наши дети, возможно, когда-нибудь сумеют воспользоваться им, чтобы избавиться себя от ядерного оружия. Доводы о том, что СОИ предполагает прежде всего и в основном поражение ракет противника на конечном отрезке траектории для обороны межконтинентальных баллистических ракет в качестве укрепления потенциала сдерживания, показывают, куда в конечном счете заводят первая и вторая ловушки. Верно это или

нет, но для Простого человека это означает, что мы прошли полный круг и вернулись обратно к доктрине взаимного гарантированного уничтожения». Более лаконично и более точно, без воздыханий о добрых намерениях автора СОВИ характеризует ситуацию журналист Томас Пауэре в «Лос-Анджелес тайме»: секрет «звездных войн» заключается в том, «что эта программа предназначена для обороны вооружений, а не людей. Цель не в том, чтобы лишить русских возможности угрожать нам, а в том, чтобы гарантировать нам возможность угрожать русским». И в этом все дело.

Конечно же, многим в Вашингтоне не нравится «взаимное гарантированное уничтожение». Не потому, что уничтожение. А потому, что — взаимное. Потому что тот, кто начнет первым, погибнет вторым. А так хочется «победить»... И поэтому против гарантированного не взаимного уничтожения, против уничтожения противника в Пентагоне явно не возражают. Защитники президентской «инициативы» в ее реалистическом варианте показывают это со всей ясностью.

Обещают стабильность...

На предыдущих страницах мы, следуя за ходом мысли американских авторов, в основном оставались в границах, диктуемых оценками технических возможностей (или невозможностей) программы «звездных войн». В стране, где господствует своего рода технический фетишизм, где военно-технический прогресс рассматривается как средство решения проблем международных, оценка «инициативы» Р. Рейгана прежде всего с технических позиций вполне понятна. Но не менее, а может быть, и более важны оценки, исходящие из соображений политического, военно-стратегического характера. Отбиваясь от незатухающих критических атак, администрация пускает в ход развернутую систему

аргументов, расемб?рен«йе котРбы* **представляет**
несомненный интерес.

Сторонники СОВ в различных ее вариантах настаивают на том, что как бы там нкй было, при любом количестве «этапов» и «ярусов», но создание ПРО усилит стратегическую стабильность, а значит—уменьшит угрозу всеобщей ракетно-ядерной войны. Вот как мотивирует этот тезис эксперт Хрис-шанеко-демоюратического союза ФРГ Юрген Тоденхёфер: даже, в ограниченном варианте (перехват от 80 до 90 процентов боеголовок) ПРО делает невозможным «обезоруживающий удар»; следовательно, из нынешнего военно-стратегического соотношения между Востоком и Западом изымается основной фактор нестабильности, а именно: потенциальная способность к нанесению первого и разрушающего удара; соответственно снижается риск возникновения войны. Это умозаключение можно было бы защищать в двух случаях. Если бы, во-первых, можно было доказать, что развитие оборонительных и наступательных стратегических систем на Западе и на Востоке имеет и будет иметь абсолютно симметричный характер. Если бы, во-вторых, можно было доказать, что Защитники СОВ действуют исключительно с добрыми (по отношению к противнику) намерениями. Однако боюсь, что ни первое, ни второе не докажуемо.

В принципе неравномерное развитие ракетно-ядерных потенциалов неизбежно. Важно ли-шь, чтобы указанная неравномерность не выходила за пределы установившегося стратегического паритета, который и обеспечивает стабильность. Но как раз реализация программы «звездных войн» грозит этот паритет нарушить. Ведь «потенциальной способности», о которой толкует западногерманский эксперт, лишаются не обе стороны, а только одна. Какая уж тут стабильность!

Мне могут возразить: американцы как раз и предлагают, чтобы надежной обороной обзавелись обе стороны. К сожалению, этот аргумент далек от реальности. Неизбежное соревнование по

части оборонительных мер (и контрмер) столь же неизбежно будет снижать уровень стабильности.

Что же касается намерений, то в политике целесообразно обязательно соотносить их с реальными делами, с объективными возможностями. А в этой плоскости у Востока есть все основания поставить под вопрос добрые намерения Запада, во всяком случае*—в его американской ипостази.

Стабильность стабильна только лишь как взаимная стабильность!—об этом, к сожалению, забывают защитники СОВ. Забывают они и о том, что только взаимное сокращение вооружений, а отнюдь не наращивание их может способствовать росту взаимного доверия, укреплению веры в добрые намерения друг друга.

Польза и вред сомнений

Развивая тему усиления международной стабильности в связи с реализацией президентской «инициативы», ее сторонники считают, что развертывание ПРО приведет к увеличению непредсказуемых, неопределенных факторов, вызовет рост всякого рода сомнений и поэтому усилит сдержанность противника. «...Стратегическая оборона,—пишут К. Грей и К. Пейн,—охватывающая широкий ассортимент оружия близкого и далекого будущего, обещает упрочить стабильность сдерживания, вводя важные новые непредсказуемые факторы для любого потенциального нападения». Та же мысль в изложении Ф. Икле: «...первоначальные этапы создания ПРО на пути ко все более полному развертыванию укрепили бы выживаемость наших нынешних сил сдерживания. Поскольку все возрастающая часть советских ракет не могла бы достигнуть своих целей, советские стратеги столкнулись бы со все большей неопределенностью и трудностями...» Выше мы уже знакомились с этим

аргументом. О «неуверенности и колебаниях», которые должны сдерживать потенциального противника, упоминалось в брошюре Белого дома. О «колебаниях и сомнениях», которые породит у противника развертывание ПРО, писал, как мы помним, Г. Киссинджер.

• Что же получается? Американцы укрепляют выживаемость своих «сил сдерживания», то есть наступательного потенциала. «Советские стратеги» сталкиваются с растущей неопределенностью, сомневаются и колеблются... И все это называется укреплением стабильности. По-моему, логика явно подводит американцев. Поскольку речь идет о ядерной стратегии, то элементы непредсказуемости, неопределенности всегда были и будут. Ибо стратегия ракетно-ядерной войны — в отличие от стратегии доядерного века — не имеет опытной, экспериментальной базы. Элементы неуверенности и непредсказуемости, разумеется, усиливают осторожность, сдерживают резкие движения. Но в целом неуверенность, сомнения и колебания — далеко не фактор стабильности. Они затрудняют анализ кризисных ситуаций, расчет возможных вариантов поведения в них, они заставляют «на всякий случай», «в резерв» наращивать и модернизировать стратегические силы. Уверенность и предсказуемость или, точнее, взаимная уверенность и взаимная предсказуемость — гораздо более прочные основы стратегической стабильности, чем отрицание, разрушение их.

Есть еще один аргумент от стабильности. Привожу его по Уайнбергеру. Существует, полагает министр, «зловещая возможность умышленного стремительного развертывания Советским Союзом системы стратегической обороны»; оно может «серьезно подорвать» военное равновесие между Востоком и Западом. Занимаясь СОИ, «мы предотвращаем дестабилизирующее воздействие СССР и тем самым укрепляем стабильность». Тут даже спорить как-то неловко.

Представьте себе такую картину. Живут рядом два человека. У каждого есть по пистолету, Зна-

ЧИТ; равновесие. Но вот сосед «Л» думает: так как сосед «Б» в принципе имеет возможность приобрести еще один пистолет, что явно нарушит равновесие, то лучше я приду и первым раздобуду второй пистолет. Это предотвратит нарушение равновесия и тем самым укрепит его. Предположим, сосед «А» реализовал свою идею. Что будет делать сосед «Б»? Наверное, он не будет долго сомневаться и превратит возможность в действительность — тоже обзаведется вторым пистолетом. В результате равновесие восстановится, но уже на уровне двух пистолетов с каждой стороны. А ведь давно доказано, что повышение уровня вооруженности — даже при наличии равновесия — не увеличивает, а уменьшает стабильность. Вот почему мы говорим американцам: пока ни у кого из нас нет второго пистолета, давайте договоримся, чтобы никто не приобретал его. Такой подход к стабильности представляется более логичным и предпочтительным.

О «добрых намерениях» и первом ударе

Хитрят, конечно, американцы. Они ищут стабильности для себя. А нас они утешают ссылкой на свои «добрые намерения». Относительно последних речь уже шла. Но вернемся к намерениям еще раз. Предоставим слово председателю организации «Граждане — за Америку» Льюису Лерману. Он — убежденный консерватор и, говорят, друг «самого» Рейгана. Так вот он писал в «Нью-Йорк тайме»: «Две гарантии могли бы убедить Кремль и остальной мир в наших добрых намерениях, если мы развернем систему стратегической обороны. Во-первых, если бы, как предложил президент, мы передали технику и технологию своим союзникам и русским. Во-вторых, поскольку развертывание оборонительных, вооружений укрепило бы «живучесть» нашего народа и наших наступательных сил, мы могли бы в одностороннем порядке демонти-

рывать все большее число наступательных систем, которые уже не потребовались бы нам для того, чтобы сдерживать Советский Союз с помощью угрозы нанесен<ия ответного удара.>. О «ва-пер,,вых>> мы поговорим позже. А вот «во-вторых» — "тут и зарыта пресловутая собака, вернее, одна из пресловутых собак...

Логика обязывает. Если реализация СОИ делает устаревшим и бесполезным ракетно-ядерное оружие, если гарантируется безопасность США, то по мере развертывания ПРО следовало бы постепенно избавляться от наступательных стратегических сил. Зачем они? Если противника сдерживает оборона, то зачем угрожать ему нападен-иеМ?

Но у американцев, как и следовало ожидать, логика другая, «Новое оборонительное оружие, — ли'шут К. Грей и К. Пейн, — не должно рассматриваться как замена или альтернатива сегодняшней модернизации стратегических наступательных средств; более того, СОИ создает необходимость в модернизации наступательных средств, чтобы помочь обеспечивать стабильность на протяжении переходного периода». Указанный период будет длиться «два десятилетия или более», и, следовательно/все это время США «должны» иметь и оборонительный, и наступательный потенциалы. Для чего же? Для стабильности, говорят нам. Но в данном случае это — отнюдь не стабильность взаимного сдерживания. Это — односторонняя стабильность для США, которая оборачивается односторонней нестабильностью для СССР. Если он, разумеется, не примет вызов на ускорение гонки вооружений. И тогда — вместо взаимной стабильности взаимная нестабильность.

Оговорка относительно «переходного периода» весьма условна. Выступая в одной из сенатских комиссий, бывший заместитель министра обороны Ричард Делозер дал понять, что он не представляет себе уровня обороны, при котором отпадет надобность в наступательных стратегических системах. Об этом же говорится в подготовленной государственным департаментом США справке по «стра-

тепической оборонной инициативе». В обзорном будущем, читаем мы в справке, «наступательные ядерные силы и перспектива ответного удара останутся главным элементом сдерживания. Поэтому мы должны поддерживать современные, гибкие и надежные стратегические ядерные силы», И поддерживают. И не только поддерживают — укрепляют, модернизируют наступательный потенциал. «В работе», если так можно выразиться, два новых типа межконтинентальных баллистических ракет (MX и «Миджитмен»), новая стратегическая ракета морского базирования «Три-дент-2», два новых типа тяжелых бомбардировщиков (B-1B и «Стелт»), а также крылатые ракеты большой дальности всех видов базирования. Ничего общего все это с укреплением стабильности не имеет.

В политике, действуют свои законы относительности. И если смотреть на происходящее не с Запада, а с Востока, нынешняя политика США, включая программу «звездных войн», не может не рассматриваться как крайне дестабилизирующее намерение приобрести потенциал для ведения «победоносной» ракетно-ядерной войны. «...Вместо того, — заявил сенатор Э. Кеннеди, — чтобы считаться частью оборонительной стратегии, разработка разветвленной системы ПРО может рассцениваться другой стороной только как наступательный шаг», Так оно и есть. Причем дело не только в особенностях, восприятия «другой стороны». Дело в объективном содержании американских планов. В начале 1985 года сообщалось, что Бюро оценок техники конгресса США подготовило доклад, в котором сказано: «Предполагаемая цель стратегической обороны состоит в обеспечении достаточно мощной обороны, благодаря которой Соединенные Штаты могли бы создать серьезную угрозу применения наступательного ядерного оружия...», Итак, оборона, чтобы угрожать наступлению..

-В конце 1963 года в США вышла книга Роберта Ролдрейджа «Первый Удар) Пентагоновская стратегия ядерной войны». Автор утверждает, что создание коалиции против ракетных систем толкнет

мир к нестабильной стратегической ситуации. «Если для США станет возможным перехватывать все советские бомбардировщики и ракеты, тогда как СССР не сможет защитить себя от нападения США, то США выиграют от этой свободы безнаказанного нападения... Можно защитить себя так хорошо,— предупреждает Р. Олдридж,— что Пентагон перестанет ощущать сдержанность перед нападением. Именно это и дает ПРО. Дополняя стратегические ракеты, способные поражать ракетные шахты, до* полняя средства противолодочной войны, ПРО подталкивает США к потенциалу обезоруживающего первого удара». Эта мысль, мысль о том/что создание ПРО может рассматриваться как реальная предпосылка, как благоприятное условие для нанесения обезоруживающего первого удара, высказывается практически всеми критиками СОИ. Осторожно, но вполне определенно «Нью-Йорк тайме» утверждает: возможно, хотя это и не признают, «этот план поставит Америку в такое положение, в котором она могла бы угрожать внезапным нападением и пожинать плоды «ядерного шантажа». Вольфганг Панофски, профессор Станфордского университета, считает, что если концепция надежной, закрывающей всю страну системы ПРО будет воспринята «как реалистическая, то это может укрепить мнение о том, что под прикрытием этого щита ведение ядерной войны может стать приемлемой идеей». Несколько в ином плане ставит вопрос профессор Нью-Йоркского университета Митио Каку: «Поборники ядерной войны говорят, что нанесенный Соединенными Штатами первый удар, каким бы успешным он ни был, никогда не сможет уничтожить все советские силы ответного удара. Именно здесь надо включить в игру космическое оружие: те 10—20 процентов советских ракет, которые, возможно, уцелеют при американском первом ударе, можно сбить при помощи лазерной системы ПРО. На жаргоне поборников ядерной войны это называется «стратегической обороной»¹.

"" ¹ Тема возможности первого удара оживленно обсуждается и за пределами США» «Даже если программа «звезд-

Число подобных высказываний можно было бы значительно умножить.

То, что понимают в Америке, понимают и в Москве. «Мы строим системы,— пишет «четверка»,*—которые называем «потенциал немедленного поражения особо укрепленных мишеней»! но в Советском Союзе не могут не рассматривать такое оружие, как источник угрозы первого удара. И когда президент США провозглашает «оборонительную программу», открыто нацеленную на то, чтобы сделать советские ракеты «бессильными», мы не должны удивляться тому, что в Москве видят угрозу «обезоружить» Советский Союз»* Чему уж тут в самом деле удивляться... И когда мы, в Советском Союзе, слышим настойчивые уверения в том, что никто в США и не помышляет о первом ударе, что цель программы «звездных войн» —это исключительно оборона, мы не можем серьезно относиться к таким уверениям-

Только оборона? Нет, и нападение!

Послушаем К. Уайнбергера. «...Неядерная **раз-**рушительная мощь,— уверяет он,— предназначена для уничтожения советский ракет..* Она ни в каком **ных войн**,*»- пишет канадская «Торонто стар», — окажется эффективной, скажем, только на 15 процентов, русские должны сделать из этого вывод, что в кризисной обстановке американцам было бы выгодно нанести первый удар, парализовать советские ракетные силы и затем воспользоваться этим частично эффективным щитом, чтобы отразить любой слабый ответный удар, который могут нанести по ним русские». И еще мнение Манойло Бабича, полковника югославской Народной армии, кандидата военных наук: «...никогда никто в истории не выиграл войны, основывая свою стратегическую концепцию только на обороне как виде боевых действий. Без наступления, то есть без атаки, нет и победы. Это, разумеется, известно и сторонникам современной линии Мажино в космосе, которая является не чем иным, как плацдармом для **нане-***, сения первого удара по противнику, который этим ударом был бы брошен на колени без возможности нанести ответный **удар..***

смысле не представляет собой систему оружия; она не предназначена для того, чтобы убивать людей или атаковать цели на земле. Она предназначена исключительно для уничтожения ракет в воздухе неядерной мощью¹. И далее почти заклинание в том же духе: «СОИ — это не гонка вооружений, это вообще не вооружения и даже не оружие. Это безвредное средство уничтожения оружия». Создается впечатление, что еще самую малость — и министр не только вышибет слезу умиления у читателей «Вашингтон тайме», из интервью которой взяты его слова, но и сам расплачется над своими же словами...

Впрочем, Москва слезам не верит. Не верит она и словам, если они противоречат реальному положению вещей, противоречат общему подходу американцев к космической среде как к неизбежному театру военных действий. В газете «Вашингтон пост» приводились выдержки из наставления американским военно-воздушным силам, подписанного начальником штаба ВВС генералом Чарльзом Габриэлом. «Космос,— учат американских военных летчиков,— представляет собой внешний периметр оперативной авиакосмической среды. Космос как часть этой среды обеспечивает неограниченный потенциал и возможности для военных операций...» ВВС, говорится в наставлении, «будут поддерживать техническое превосходство США в авиакосмической области и обеспечивать потенциал для длительных военных действий посредством создания средств ведения боевых операций в космической среде». Именно такие средства и создаются, в частности, в рамках исследовательских работ по программе СОИ. И создаются под вполне определена

---

¹ К. Уайнбергер зря нажимает на «неядерную мощь». Согласно директиве N2 172, -опубликованной 30 мая 1985 года, ООСОИ дана команда «изучать многообещающие концепции, предполагающие использование ядерной энергии для приведения в действие, устройств, способных уничтожать баллистические ракеты!» Имеется в виду уже упоминавшийся рентгеновский лазер, накачка которого производится термоядерным взрывом.

ным углом зрения, который соответствует общим установкам американской военной доктрины.

В американскую печать просочились сведения о секретных документах, придающих дополнительные измерения «инициативе» Р. Рейгана. «Директивы в области обороны на 1984—1988 г.» — официальный документ Пентагона — провозглашают, что США должны готовиться «эффективно вести войну» из космического пространства, для чего будут создаваться космические системы для «переброски сил в космос и из космоса». Проведенное в июне 1983 года исследование ВВС США призывает к «космическому превосходству» в целях «преобладания» в конфликтах на Земле. Директивы по космическим программам ВВС США на период до 2000 года предусматривают создание «боевых космических систем».

По мнению специалистов, в том числе и американских, выводимые в космос системы, предназначенные для уничтожения ракет, вполне могут быть использованы как для ударов по спутникам, так и для ударов из космоса по наземным целям. «Система космических боевых станций, призванных остановить ядерное нападение,— констатирует д-р Дж. Разер, вице-президент корпорации «Кейман аэроспейс»,— кроме того, возможно, будет обладать потенциалом для нападения на выборочные мишени в космосе, в атмосфере и на поверхности Земли». В качестве таких «мишеней» называются танкеры, нефтехранилища, электростанции, военные колесные средства и т. п.; говорится и о том, что с помощью мощных лазеров можно будет поджигать леса, сжигать поля и зернохранилища, вызывать пожары в городах.

Все это свидетельствует о том, что системы оружия, которые называются оборонительными и даже «вообще не оруж-ием», фактически могут рассматриваться как космические ударные средства, предназначенные и для обороны и для нападения. Они рассчитаны для удара по объектам потенциального противника во всех сферах.

Погоня за превосходством

Разумеется, американская <Эдмкнистрдция ре-
шительно отрицает какие-Либо 4фесяквниэ наме-
рения со своей стороны. «Соединенные Штаты,—
говорится в уже упоминавшейся официальной бро-
шюре Белого дома,—не стремятся получить
«возможности для нанесения первого удара», и мы
не будем предпринимать попыток к их созданию.
Президент вновь подтвердил, что к достижению од-
носторонних преимуществ в области защиты от
баллистических ракет мы не стремимся». Но прези-
денту трудно верить, Трудно, потому что его слова
слишком часто расходились с делами, И потому
еще, что вся история стратегической мысли США
в ядерный век пронизана стремлением добиться
превосходства над Советским Союзом,

Как известно, США ваяли на водружение ядер-
ное оружие на несколько лет раньше СССР. Отсю-
да— превосходство американцев над нами в нача-
ле ядерного века. Отсюда же •— и стратегия «мас-
сированного возмездия», рассчитанная на безнака-
занное тотальное уничтожение жизненных центров
нашей страны. Недолго это было. Появление у
СССР ядерно-ракетного потенциала опрокинуло
стратегию «массированного возмездия».

Формирование стратегическй симметрии вело
к тому, что всеобщая ракетно-ядерная вйна, если
бы она разразилась, стала бы всеобщей катастро-
фой. Казалось, из этого следует один вывод: пре-
стать надеяться на ядерную войну кзк Орудие по-
литики, отказаться от использования ядерного ору-
жия в качестве средства политического давления.
Но — нет. Этот вывод не устраивал американцев,
•и они пошлИИ по другому пути, Если всеобщая вйн-
на грозит катастрофой, то надо иметь возможность
ограничить ее, а затем и «выиграть»— тгж постави-
ли вопрос в Вашингтоне.

Такую возможность, по мнению пентагоновских
аналитиков, давало стратегическое превосходство,
позволяющее контролировать эскалацию конфлик-

та. «...Стратегия ограниченной войны,— писал Г. Киссинджер,— предполагает использование силу удара как средства, позволяющего нам вести локальные войны на неблагоприятных условиях, перекидывая на противника риск, связанный с развязыванием тотальной войны». Так совершался переход к стратегии «гибкого реагирования», которая исходит из того, что, опираясь на стратегическое превосходство США и сохраняя «массированное возмездие» на крайний случай, можно удержать возможный конфликт в локальных рамках театра военных действий (ТВД)¹.

Тем не менее риск был слишком велик. Продолжающееся выравнивание стратегических уровней заставило американцев сесть за стол переговоров. Формально они признали наличие ракетно-ядерного паритета. Согласились с принципом одинаковой безопасности сторон. И все-таки мираж стратегического превосходства не давал им покоя.

США переводят гонку вооружений в качественное русло. Подписывая в 1972 году Договор ОСВ-1, американцы оставили за собой право оснащать баллистические ракеты разделяющимися головными частями. Замысел был ясен: используя свое преимущество, поставить СССР в стратегически неравноправное положение. И если это не произошло, то не по вине американцев, История повторилась. Подписывая в 1979 году Договор ОСВ-2, американцы не согласились на взаимный отказ от крылатых ракет всех типов. Не согласились, потому что они снова хотели сохранить лазейку, позао-

---

¹ Стратегия?! «гибкого реагирования» предполагает возможность нанесения первого удара. Еще в 60-е годы известный идеолог милитаризма С. Поссоли писал: «Если Соединенным Штатам... представится возможность путем нанесения удара первыми создать для себя выгодную обстановку, было бы глупо не воспользоваться такой возможностью». И это было не просто безответственным высказыванием, ибо, как пояснял Поссоли, «именно такой стратегический курс предусмотрен договорами НАТО. Но он может иметь успех лишь в том случае, если опирается на соответствующую военную мощь». Добавлю, что такой же стратегический курс предусматривает военная доктрина НАТО и в 80-е годы,

ляющую им на технологической, если можно так выразиться, кривой объехать Советский Союз и л|зобиться к манящему стратегическому превосходству. В обоих случаях преследовалась цель обеспечить военно-техническое превосходство США и на этой базе обрести способность в критической обстановке угрожать первым ударом в расчете на последующее выживание (что в ядерный век равносильно «победе»).

Попытки вести двойную игру не могли не отразиться на общей ситуации. Опыт показал, что само по себе наличие ракетно-ядерного паритета служит хотя и необходимым, но недостаточным условием для разрядки, для перехода к разоружению. Достаточным условием выступает внутренняя перестройка политического сознания, его приведение в соответствие с императивами ядерного века. Конкретнее: объективное существование военно-стратегического паритета должно осознаваться как невозможность победы в ракетно-ядерной войне и соответственно как бессмысленность стремления к стратегическому превосходству в любой форме. Подлинная безопасность может мыслиться лишь как безопасность взаимная.

Американцы так и не смогли взять этот интеллектуальный и психологический барьер. Они не хотели примириться с тем, что паритет, «равновесие страха» создают патовую ситуацию, исключают возможность вести и выиграть ракетно-ядерную войну, сковывают свободу агрессивных, силовых действий во внешней политике. Возник своего рода страх перед «равновесием страха». Признание паритета рассматривалось как признан слабости, как потеря «первого места». Понятие равенства никак не укладывалось в пентагоновские головы. Если мы не первые, значит, мы вторые, значит, мы отстали, и упор делается на политику, натравленную на то, чтобы вырваться из паритета, уравновесить свои страхи прорывом м превосходству, а значит, получить свободу рук во внешней политике.

Таковы были предпосылки появления в середине 70-х годов доктрины «ограниченной стратегиче-

ской ядерной войны». Ограниченной уже не в смысле локализации ее на том или ином ТВД, а в смысле ограниченного, дозированного, строго контролируемого обмена «контрсилowymi» ядерными ударами, целью которых являлись бы исключительно военные объекты противника. Со свойственной правящим кругам США самонадеянностью предполагалось, что высокая точность, надежность американских ракет позволят американцам одержать верх в такой дуэли.

Приход к власти администрации Р. Рейгана резко усилил милитаристские тенденции в политике Вашингтона. Началось массивное наращивание вооружения. Открыто была сделана заявка на изменение сложившегося баланса сил. Но, конечно же, не ради достижения превосходства. Упаси боже! Просто отброшенная на «второе место», «слабая»; почти «обесилевшая» Америка догоняет вырвавшийся вперед Советский Союз. Еще в апреле 1980 года Р. Рейган изрек: «Сейчас мы в большей опасности, чем на следующий день после Перл-Харбора. Наши вооруженные силы абсолютно не в состоянии обеспечивать оборону страны». По мнению Рейгана, 70-е годы — десятилетие «одностороннего разоружения» США. Так говорили и говорят в Вашингтоне. И говорят, как было доказано тысячу и один раз, заведомую неправду.

---

* * Американцы обычно упирают на то, что Советский Союз превосходит США по количеству межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. Однако общее стратегическое равенство формируется как сумма неравенств по конкретным видам стратегических сил. Указанное преимущество Советского Союза компенсируется преимуществом США в стратегической авиации и баллистических ракетах, установленных на подводных лодках. 3

Наличие примерного стратегического паритета, между СССР и США признают такие солидные независимые организации, как Лондонский международный институт стратегических исследований и Стокгольмский международный институт по исследованию проблем* мира.

Что же касается «одностороннего разоружения», — то* напомним: в 1970 году у США было 4000 стратегических боезарядов, а в 1980 году — уже 9000.,»

Но для Вашингтона важен не поиск истины, а поиск выигрышной позиции на поле мировой политики. Формально картеровская доктрина «ограниченной стратегической ядерной войны» вроде бы остается в силе. Но, по существу, она уже не устраивает Белый дом. Ибо нет никакой гарантии, что потенциальный противник примет предлагаемые ему правила «джентльменской дуэли». А значит, нет и гарантии того, что США сумеют выжить.

Что же делать? Как избавиться от пугающей зависимости от намерений и возможностей противника? Как уйти от «взаимного гарантированного уничтожения» и обеспечить тоже гарантированное, но уже не взаимное уничтожение противника? Ответом на эти вопросы и явилась «стратегическая оборонная инициатива», реализация которой призвана создать «абсолютно надежную» противоракетную оборону США. То есть обеспечить Соединенным Штатам неуязвимость, а значит, и желанное стратегическое превосходство, возможность не только угрожать и шантажировать, но и, прикрываясь «оборонительным щитом», использовать ракетно-ядерный меч для нанесения удара по Советскому Союзу.

Задача, по словам Д. Грэхэма, состоит в том, чтобы захватить «господствующие высоты в космосе в условиях военного равновесия»¹. Нетрудно понять, что господство в условиях равновесия тождественно нарушению этого равновесия. И скрыть это невозможно* «Американская администрация,— пишет в лондонской «Файнэншл тайме» Йэн Дэвидсон,—неоднократно отрицала, что она намерена добиваться стратегического превосходства над Советским Союзом. Но если в рамках осуществления СОИ была бы разработана оборонительная система, которая могла бы сделать советские ракеты

---

¹ В отличие от других деятелей генерал Грэхэм не скрывает свои взгляды. «Я не понимаю,—удивляется он,—почему людей беспокоит мысль о том, что, если мы развернем системы «звездных войн», соотношение сил вновь изменится в пользу свободного Мира».

«устаревшими и совершенно бессильными», то это дало бы Америке стратегическое преимущество. Это было бы настоящей революцией». И эта «революция» вполне вписывается в общие установки ядерной стратегии США, стратегии, которая стремится превратить ядерное оружие в приемлемый инструмент внешней политики, «минимизировать» угрозу уничтожения США и добиться «победы» в ракетно-ядерной войне. «Тот, кто хочет предотвратить ядерную войну,— скромно заметил Уайнбергер,— должен быть в состоянии ее выиграть», Вот они и предотвращают, готовясь выиграть.,.

К. Грей предпочитает обходиться без оговорок о «предотвращении»... Он, как уже упоминалось, мыслит категориями доядерного века: «США должны планировать поражение СССР,— настаивает Грей,— причем такой ценой, которая не помешает экономическому подъему в нашей стране. Вашингтон должен сформулировать цели войны, которые в конечном счете будут предусматривать создание послевоенного мирового порядка, совместимого с западными идеалами... Сочетание наступательных средств для удара по вооруженным силам, гражданской обороны, противоракетной и противовоздушной обороны должно помочь ограничить американские потери примерно двадцатью миллионами человек, что сделает американские стратегические угрозы более убедительными». Тут ни прибавить, ни убавить. Сочетать оборону и нападение, сделать угрозу более убедительной, а если вспыхнет война — нанести поражение. Такова логика агрессии. И программа «звездных войн», ее воздействие на стратегические воззрения усиливают, подкрепляют эту логику. Зачем пугать людей и пугаться самому перспективой всеобщей ракетно-ядерной катастрофы? Если прикрыться надежным щитом, то владелец щита избегает катастрофы, и можно воевать, можно рассчитывать на «победу»*

<*;..Онй н& смогут за нами угнаться»

В США не могли не думать о том, какой будет реакция СССР на выдеимсенме и тем более реализацию СОИ. К сожалению, думы эти не выходят за пределы трафаретных, банальных суждений. США, уверяют в Вашингтоне, имеют более производительную экономику, более развитую технику и технологию, СССР не сможет тягаться с ними в гонке вооружений, и поэтому «русские» пойдут на попятную. Вот, например, что говорится, если верить «Нью-Йорк тайме», в директивах Пентагона на 1984—1988 годы: «США должны развивать такие системы вооружения, которым со стороны СССР будет трудно что-либо противопоставить и которые наложат на СССР непомерно высокие издержки военного производства, откроют новые сферы соперничества и сведут на нет предыдущие советские капиталовложения в военную экономику». Проще выразил эту мысль Р. Рейган: «Мы сможем продолжать гонку вооружений, а они не смогут за нами угнаться». Ну а раз не смогут угнаться, то придется им, этим самым «русским», подчиниться американскому диктату. Блажен, кто верует...

Усиленно отработывают в США и уже приевшаяся концепцию «kozyрей», которая тесно связана с надеждой на то, что «русским не угнаться». В данном случае «kozyрем» выступает СОИ, а за ней и будущая ПРО. Ход мысли примерно такой. Чем эффективнее и масштабнее будут оборонительные средства, тем меньшее стратегическое значение будут иметь наступательные системы. Соответственно уменьшится и заинтересованность их наращивании и модернизации. И отсюда рукой подать до соглашений о радикальном сокращении наступательных систем.

Так ли? Давайте еще раз перечитаем фразу «Чем эффективнее... тем меньшее...». Ошибка (логическая и стратегическая) здесь. Американцы са-

ми с собой играют в поддавки. «Русские», поскольку их заботит собственная безопасность, могут рассуждать и иначе: чем эффективнее и масштабнее будет американская ПРО, тем большее значение нужно будет продавать развитию наступательных систем, чтобы последние в любой момент сохраняли свою «пробивную силу». В общем, «kozyри» если и работают, то совсем не так, как надеются американцы.

Нельзя не согласиться с руководителем школы новейших исследований при университете Джона Гопкинса Гарольдом Брауном, бывшим министром обороны США. Он пишет: «Аргумент, будто реальное создание системы обороны в США в масштабах, не гарантирующих ее абсолютное совершенство, дало бы нам рычаг, позволяющий добиться существенных сокращений советских ракетных сил, явно противоречит как логике, так и здравому смыслу... Трудно себе представить, каким образом создание системы ПРО в США заставит русских пойти на ограничения боеголовок у себя. Гораздо более вероятным кажется обратный эффект — наращивание арсенала советских ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения». Такой же вывод делает «четверка»: «...всякие перспективы значительного улучшения обороны Америки несомненно будут стимулировать самые решительные советские попытки обеспечить неизменную способность советских боеголовок пробиться. Со времени Хиросимы иметь потенциал, соответствующий любому американскому ядерному потенциалу, стало кардинальным принципом советской политики. Крайне нелепо предполагать, что перспективы развертывания каких-либо новых американских средств, которые могут подрывать эффективность советских ракетных сил, не встретят решительную и упорную реакцию». Так и будет.

Американцам свойственно переоценивать свои силы. Да, они всегда лидировали в гонке вооружений, всегда начинали ее новый виток. Но не потому, что они были сильнее, а потому, что мы были сдержаннее. Мы не хотели и не хотим играть в эту

игру. И если делаем это, то вынужденно, потому что нам навязывают гонку вооружений. Но если бы а«мернкзнцъ| взяли на сейя труд вспомнить историю, они должны были бы уяснить: ни в какой ситуации им не удавалось уйти вперед на сколько-нибудь значимую стратегическую величину. И тут ничего не изменилось и не изменится. Чтобы восстановить нарушенный паритет, СССР будет вынужден либо прямо наращивать свои наступательные силы, либо дополнить их средствами обороны, либо, что вероятнее всего, делать и то и другое. Но в любом случае США никогда не приобретут военное превосходство над социалистическими странами. Очередной виток гонки вооружений уменьшит стратегическую стабильность, а значит — безопасность США¹. Если они добиваются этого, то это они получат.

Моралисты из Вашингтона

Отбиваясь от критиков, администрация США решительно выступает против отождествления СОИ с милитаризацией космоса. Вот, например, типичное рассуждение Ф- Икле: «Одно из выдвигаемых возражений состоит в том, что нет ничего хорошего в переходе к милитаризации космического пространства, что нам следует оставить космическое пространство на положении своеобразного неприкосновенног убежища -и не милитаризовать его. Но если над этим задуматься глубже, то видишь, что космическое пространство было милитаризо-

---

¹ Иногда складывается впечатление, что американцы понимают это и не хотят этого. «„Мы должны скрупулезно ограждать себя от порочного круга, когда оборонные усилия толкают другую сторону на создание еще большего количества наступательного оружия... Этот эффект снежного кома подорвет стабильность и будет препятствовать сдерживанию». Это сказал Кеннет Здельман, директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. И правильно сказал. Но поступают американцы как раз противоположным образом»

вано уже в конце 50-х годов, когда испытывались и разрабатывались первые межконтинентальные баллистические ракеты. МБР, несомненно, представляют собой военное средство, и они, несомненно, функционируют в космическом пространстве». К. Эдельман также считает, что цель предотвратить милитаризацию космоса «пуста и вводит в заблуждение». В дополнение к МБР он ссылается на спутники военного назначения (фото- и радиотехническая разведка, раннее предупреждение, навигация, контроль соглашений и т.д.). И Ф. Икле, и К. Эдельман правы: траектории баллистических ракет пролегают в космосе, в космосе же постоянно находятся десятки спутников военного назначения. И все-таки их утверждения суть софистика чистейшей воды. Проблема предотвращения милитаризации космоса имеет совершенно четкие очертания: запретить создание, испытания и развертывание оружия, способного: 1) с Земли поражать объекты, находящиеся в космосе; 2) из космоса поражать объекты, находящиеся в космосе и 3) из космоса поражать объекты, находящиеся на Земле. Программа «звездных войн» как раз и направлена на использование всех трех возможностей. Эта программа представляет собой курс на создание боевых ударных космических систем, которые должны, в частности, дополнить, усилить наступательный потенциал США. Об этом и идет речь¹. Против этого и направлены возражения. И жонглирование понятием «милитаризация» не должно загромождать суть дела.

Защищая программу «звездных войн», ее сторонники часто переводят разговор из политической плоскости в моральную. Вот как это делается.

Р. Рейган: «Средства перехвата баллистических ракет на ранней стадии их траектории, на стадии

---

¹ «...Имеющиеся у обеих сторон,— отмечает министр обороны СССР С. Л. Соколов,— спутники связи, навигации, предупреждения о ракетном Нападении и Другие — это не ударные космические вооружения. Ни СССР, ни США в настоящее время не имеют оружия в космосе», Создание такого оружия и есть попытка начать действительную милитаризацию космоса.

ускорения, дадут нам возможность коренным образом изменить наши стратегические воззрения и переместить упор, с наступления на оборону. Что может быть более моральным, чем система, которая спасает жизнь, а не мстит за гибель?»

К. Уайнбергер: «Все сводится к вопросу о том, что лучше уничтожать — людей или оружие. Президент предпочел попытаться уничтожить оружие, и, как мне кажется, это очень благородная задача».

Ф. Икле: перенести войну с Земли в космос, перенести войну «туда, где нет людей», — это благородно.

Выше мы видели, что практически, если иметь в виду не иллюзии, не фантастику, а реальные возможности, стратегическая оборона не исключает, а дополняет действия стратегических наступательных сил, действия, которые приведут к гибели сотен миллионов людей. Только крайне безответственный человек может отделять войну в космосе от войны на Земле. «Войны в космосе, — заявил известный американский ученый Ричард Гарвин, — это не альтернатива войн на Земле. По-моему, они лишь прелюдии к войне на Земле». Что же в таком случае остается от «благородства»? Все эти разговоры насчет морали — пустые слова. Как мы видели, объявив «аморальным» сдерживание, основанное на концепции взаимного гарантированного уничтожения, администрация США делает все, чтобы усилить потенциал именно такого сдерживания. И СОВЕТЫ тут ничего не меняют.

И уж конечно, как верх благородства преподносятся слова Р. Рейгана о готовности США поделиться с СССР секретами ПРО. Правда, насколько я понял, никто, кроме К. Уайнбергера (да и он, наверное, прикидывается), не принимает слова президента всерьез¹. И не только потому, что в

¹ «Уточняя» предложение президента, министр обороны сказал: «Это предложение будет действительно лишь после того, как системы будут полностью разработаны, и его цель — показать, что мы не стремимся к тому, чтобы обеспечить себе возможность вести войну и выиграть ее,» То есть цель — пропагандистское прикрытие программы «звездных войн». Против этого спорить не приходится.

Данным случае срабатывает известная формула! «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Директор Ассоциации сторонников контроля над вооружениями Джек Мендельсон назвал предложение Р. Рейгана «наиболее глупым заявлением президента США после заявления Герберта Гувера о том, что сбалансированный бюджет обеспечивает выход из «великой депрессии».

Есть и другие причины, которые не позволяют принимать всерьез обещание президента. Их излагает уже известная нам «четверка»: «Рейган говорит, что мы должны передать русским секрет обороны, как только мы его откроем, в обмен на согласие с их стороны избавиться от ядерного оружия. Но единственный секрет, который можно использовать подобным образом, существует только в воображении Рейгана: некая магическая формула, которая сделает каждую сторону навсегда неуязвимой. В реальном мире оборонительная система будет представлять собой несовершенное сочетание технических и оперативных возможностей, полное понимание которых даст возможность противнику улучшить собственные методы проникновения сквозь средства обороны. Делиться подобного рода секретом — значит свести на нет его эффективность. Решение Рейгана столь же нереально, как и его изначальная мечта, и оно основано на том же недостаточном понимании истинного положения вещей». Это, думается, главное: со всех точек зрения СОИ — результат недостаточного понимания истинного положения вещей. В лучшем случае. А в худшем — результат активного желания изменить положение вещей в пользу США.

Как бы то ни было, президент упорствует. «Хотя его противники над этой идеей насмеются, — пишет У. Сэфайр, имея в виду обещание президента, — его чиновники ее подрывают, а печать просто игнорирует, неизменно жизнерадостный Рейган вновь и вновь вытаскивает ее на свет божий...»

Западная Европа: «тревоги стратегического порядка»

Выдвигая идею радикальной перестройки стратегической доктрины, Р. Рейган «забыл» проконсультироваться, посоветоваться со своими союзниками по НАТО. Даже не поставил их в известность. За годы существования Североатлантического блока союзники к этому почти привыкли. «Большой брат» не слишком часто баловал их деликатностью в обращении, И все же...

Крайне правые, ультраконсервативные политические круги Западной Европы, давно уже не видящие ничего дальше американского носа, восторженно поддержали «инициативу» президента. Левые круги, массовые движения, по мере ознакомления с программой «звездных войн», осознания ее возможных и неизбежных последствий, все решительнее выражали свой протест. Что же касается официальной Европы, «Европы правительств», реакция была осторожной, сдержанной. Ее характеризовала, особенно поначалу, — замешательство, колебания, разброд, противоречивость. Столкнувшись, как это часто бывает, союзническая лояльность, чувство классовой солидарности с собственными политическими и экономическими интересами Западной Европы, с ее пониманием потребностей и перспектив своей безопасности¹.

Администрация США была раздражена, но делала вид, что все в порядке, небольшая «семейная» разногласия, и только. Однако конгресс, где широко представлена антирейгановская оппозиция, решил проверить обстановку на месте. По

---

¹ Любая постановка вопроса о безопасности предполагает наличие опасности. Для правящих кругов Западной Европы опасность — это «советская угроза». Ситуация, прямо скажем, парадоксальная. Мифическая угроза служит основой для вполне реальных политических действий, для политического поведения в целом. В дальнейшем мы будем иметь в виду этот парадокс, не делая каждый раз специальных оговорок об отсутствии «советской угрозы».

просьбе сенатора-демократа Уильяма Проксмаира в Западную Европу были направлены люди из аппарата конгресса. «Ищейки конгресса», как их назвали по эту сторону Атлантического океана, посетили Бонн, Брюссель, Лондон и Париж. «Результаты были катастрофическими,— подвел итоги западногерманский журнал «Шпигель».—В столицах четырех европейских союзников по НАТО стратегическую оборонную инициативу... отклоняет большинство, представителей правительств, как сообщили эти разведчики. Правда, против научно-исследовательских работ в области «звездных войн» союзникам нечего возразить. Однако действительная установка противоракетного барьера повсюду наталкивается на сопротивление: новинка американского вооружения вызвала новый серьезный разброд в западном союзе». В свою очередь, исследовательская служба конгресса суммировала информацию, полученную из Западной Европы, следующим образом: хотя союзники поддерживают план исследовательских работ, они опасаются, что создание ПРО «увеличит, а не уменьшит вероятность войны»*

Попытаемся более внимательно присмотреться к западноевропейским заботам и опасениям, к тому, что генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон, активный сторонник и проповедник СОИ, назвал «тревогами стратегического порядка».

Тревога № 1. Боязнь того, что США вновь вернутся к традиции изоляционизма. Если Америка окружит себя космическими бастионами с лазерным оружием, если она уединится в своей неуязвимой технологической крепости, то Западная Европа окажется беззащитной. Следовательно, в рамках трансатлантических отношений увеличится разрыв в стратегическом положении, усилится асимметрия безопасности, появятся регионы разной степени защищенности. «Ага,— поясняет этот аргумент Зб. Бжезинский,— американцы стремятся теперь к стратегической неуязвимости для себя. А что будет с нами? Американцы планируют развернуть на нашей земле наступательные системы во-

бужений, чтобы они могли атаковать Советский Союз, но сами-то они теперь подумывают о создании оборонительной системы, способной защитить территорию Америки от советского ядерного оружия. Разве это можно называть взаимозависимостью в обеспечении безопасности?»¹

Хотя вопрос почти риторический, сторонники ПРО отвечают на него. Не бойтесь, говорят рви западноевропейцам/ если мы соорудим прочный щит, если мы не будем беспокоиться за свою безопасность, если мы действительно станем неприступной крепостью, то надежность наших обязательств не понизится, а повысится. Ведь чтобы оказать помощь Западной Европе, нам не придется рисковать, не придется ставить на карту свое существование. Звучит убедительно, и все-таки союзники боятся. Ибо если дело дойдет до «защиты» Западной Европы, защищать будет нечего и некого.

Тревога № 2. Хотя американцы почти клятвенно заверяют своих партнеров по НАТО, что проектируемая ПРО обязательно «закроет» Западную Европу, партнеры очень сомневаются в этом. Особенно учитывая такие «европараметры», как малое подлетное время, низкие траектории и т.п. А незащищенная, неприкрытая Западная Европа неизбежно будет оторвана от Америки. Она станет нейтральной и постепенно «войдет в советскую орбиту». Это плохо. Но плохо и другое.

Тревога № 3. Если американская система ПРО

---

¹ Отвечая на этот аргумент, Ричард Перл, помощник министра обороны США, вопреки бодрым заявлениям шефа, выдвигает своего рода концепцию вечной уязвимости Америки. «„Я не верю,— говорит он,— что какая-либо система обороны позволит когда-нибудь Соединенным Штатам получить уверенность в том, что они полностью защищены от ядерного удара... Даже когда Соединенные Штаты реализуют СОИ, они останутся уязвимыми для других форм ядерного нападения, например с применением бомбардировщиков или крылатых ракет. Таким образом, мы всегда остаемся уязвимыми». Один из парадоксов трансатлантических отношений: безопасность по эту сторону Атлантики гарантируется отсутствием безопасности по ту сторону,

будет надежно защищать Западную Европу, то это поставит ее в такую зависимость от американского зонта, что Западная Европа превратится в сателлита Америки, колеблющегося между неприязнью к своему хозяину и пассивной политической и военной безответственностью.

Тревога № 4. Ни одна система обороны не может быть совершенной. Но если США поверят в совершенство своей ПРО, ее «абсолютную надежность», то у них возникнет ложное ощущение безопасности, безнаказанности, что может толкнуть Вашингтон на всякого рода авантюры, противоречащие интересам Западной Европы. Положение абсолютной неуязвимости — это утопия, пишет известный теоретик СДПГ Э. Эпплер. «Но эта утопия не только лжива, она еще и смертельно опасна, причем не только для противника, но прежде всего для того, кто ей следует». И для тех, боятся западноевропейцы, кто следует за «абсолютно йе* уязвимым» лидером.

Тревога № 5. Если вслед за США противоракетную оборону создаст и СССР, что практически неизбежно, две сверхдержавы уже не будут жить в страхе перед ядерным ответным ударом, они отведут ядерный меч от своего населения. И тогда возникнет возможность того, что США и СССР будут разрешать свои разногласия при помощи обычного или даже ядерного оружия, но обрекая на разрушение не свою, а чужую территорию. Наиболее вероятный вариант — боевые действия на европейском ТВД, что означало бы уничтожение западноевропейских государств.

Тревога № 6. Ее испытывают прежде всего Франция и Великобритания. Их относительно слабые ракетно-ядерные потенциалы имеют стратегическую значимость только в отсутствие ПРО у потенциального противника, коим в Лондоне и Париже считают Советский Союз. Если же СССР создаст полномасштабную систему ПРО, ядерные силы Франции и Великобритании утрачивают ценность, становятся ненужными, бесполезными. Вместе с тем кладется конец надеждам на перспективу создания

независимой «европейской обороны», а следовательно, и на выравнивание статуса Западной Европы со статусом сверхдержав, на упрочение ее позиций в качестве одного из решающих факторов мировой политики.

В нашем контексте нет необходимости вдаваться в существо перечисленных «стратегических тревог», оценивать их обоснованность и политическую направленность. Важно, что они существуют и сказываются на восприятии американской «инициативы». Однако среди тревог и забот, которые программа «звездных войн» вызвала в Западной Европе, есть одна, о которой хотелось бы сказать особо. Я имею в виду судьбу советско-американских переговоров о сокращении вооружений.

Все, кто с надеждой смотрит на Женеву, а таких большинство и в «Европе правительств», и в «Европе народов», опасаются, и опасаются не без причин, что СОВСЕ заблокирует всякую возможность договориться. Это означало бы начало нового витка гонки вооружений. Это означало бы, далее, уменьшение международной стабильности и соответственно ухудшение стратегического положения Западной Европы. «Главный вопрос, который следует поставить себе в этой связи,— размышлял бывший министр обороны Франции Шарль Эрню,— по существу, следующий: желательна ли эта будущая противоракетная система? Лучшие специалисты мира сомневаются в том, что развертывание новой оборонительной системы позволит обеспечить более стабильную международную обстановку, чем та, которую обеспечивает ныне ядерное равновесие. Поэтому я считаю, что президент Рейган, предлагая такую систему, пожалуй, идет на определенный риск». Президент США рискует не только судьбой Америки. Р. Рейган рискует судьбами своих союзников, судьбами всего мира. Это волнует, беспокоит людей, рождает массовый протест, который отражается и на политике правящих кругов, усиливает сомнения и колебания¹.

¹ Отражением таких сомнений и колебаний явилась, в частности, одна из резолюций Бюро Социалистического ин-

Условия поддержки

И все-таки, несмотря на эти сомнения и колебания, несмотря на «тревоги стратегического, порядка», классовая солидарность, социальная общность, зависимое — в пол'ити'КО-стратегическом смысле — положение Западной Европы сделали свое дело. Большинство западноевропейских членов НАТО одобрило и поддержало исследовательские работы в рамках СОИ. Но не безоговорочно.

Западноевропейские условия поддержки СОИ были впервые сформулированы премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер в декабре 1984 года во время визита в США. Во-первых, цель США и Запада заключается не в достижении превосходства, а в поддержании равновесия с учетом происходящего в Советском Союзе. Во-вторых, развертывание активной обороны, учитывая договорные обязательства, должно стать темой переговоров. В-третьих, идея заключается в том, чтобы укрепить, а не подорвать силы сдерживания. В-четвертых, цель переговоров между Востоком и Западом состоит в том, чтобы стремиться к обеспечению безопасности при сокращении уровня наступательных вооружений обеих сторон. Президент Рейган заверил свою гостью, что именно так он понимает дело.

тернационала (Буммерсвик, Швеция, июнь 1985 года). Там говорится: «Развитие систем противоракетной обороны, противоспутниковых и других космических вооружений, привело бы только к ускорению гонки вооружений — как в количественном, так и в качественном отношении. Социалистический интернационал отвергает стратегическую оборонную инициативу и подобные концепции и считает, что ни одна страна не должна принимать в них участие. Им должно быть противопоставлено международное и региональное сотрудничество в мирных целях. Советский Союз и США должны безоговорочно подтвердить свою приверженность Договору об ограничении систем ПРО 1972 года. Являясь формально двусторонним соглашением, этот Договор служит основой для контроля над вооружениями, сохранение которого является предметом законной озабоченности всех народов».

Главная «оговорка» требует строго различать собственно исследовательские работы, которые одобряются и поддерживаются, и развертывание ПРО, которое должно стать предметом переговоров с Советским Союзом. Абстрактно, академически рассуждая, такое «различение» имеет смысл. Но, оставаясь в плоскости практической политики, нетрудно сообразить, что огромная инерция многомиллиардных затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы вполне может стереть указанное «различение».

Свои «стратегические требования» изложил 18 апреля 1985 года в бундестаге и канцлер ФРГ Гельмут Коль:

— Безопасность Западной Европы не должна отделяться от безопасности США; в сфере деятельности НАТО не должно возникать районов с разной степенью безопасности.

— Стратегия гибкого реагирования НАТО должна оставаться неизменно действующей до тех пор, пока для предотвращения войны не будет найдено сулящей успех альтернативы.

— Следует избежать нестабильности на возможной стадии перехода от стратегии чистого сдерживания к новой форме стратегической стабильности, активнее опирающейся на оборонительные системы.

— Следует уменьшить диспаритет и избежать возникновения новых очагов угрозы ниже ядерного порога.

«С удовлетворением я могу констатировать, — заметил Г. Коль, — что наши американские союзники все в большей степени осознают и принимают во внимание жизненно важные требования немцев и стратегические потребности европейцев».

И условия М. Тэтчер, и требования Г. Коля содержат в себе достаточный элемент обтекаемости, неопределенности, двусмысленности. Если говорить в самом общем плане, они могут служить и для дистанционирования от внушающей опасения «инициативы» Вашингтона, но могут и готовить почву для

постепенного, шаг за шагом, сближения позиций. В условиях международной напряженности вторая перспектива представляется более вероятной.

Американский прессинг

Американцы работают над тем, чтобы реализовалась именно вторая перспектива. Они оказывают неприкрытое и массированное давление на союз* пиков, требуя не только понимания, не только поддержки СОВ, но и практического участия западноевропейцев в ее осуществлении.¹

В конце марта 1985 года на очередной сессии группы ядерного планирования НАТО, которая состоялась в Люксембурге, министрам обороны было роздано письмо К. Уайнбергера (аналогичное письмо было также направлено Австралии, Японии и Израилю). В нем давалось понять, что американцы не собираются долго спорить с европейцами; последние должны выбрать и не тянуть с выбором. «Если ваша нация,— писал К. Уайнбергер,— заинтересована, прошу вас в течение 60 дней сообщить мне о наличии у вас интереса к участию в данной исследовательской программе». В западноевропейских столицах письмо министра обороны США расценили как «ультиматум», «наглость», «шантаж». Даже государственный департамент США счел письмо министра «провокационным и неумным». Тем не менее коллеги К. Уайнбергера (напомню, что в заседаниях группы ядерного планирования не участвует Франция) одобрили исследовательскую программу в рамках СОВ¹.

---

¹ «На первый взгляд,— писал через несколько дней в «Вашингтон пост» известный политический обозреватель Док Обердорфер,— Западная Германия и другие европейские союзники принимают программу «звездных войн», о чем свидетельствовало единодушное одобрение на прошлой неделе «исследований» на основе СОВ министрами обороны стран НАТО, встречавшимися в Люксембурге. Однако если посмот-

По-иному разворачивались события на сессии Совета НАТО в Эшториле (Португалия, июнь 1985 года). Несмотря на бурную закулисную деятельность делегации США, Франция заблокировала включение в итоговый документ каких бы то ни было упоминаний о СОВСЕ. «Американская делегация,— комментировал происходящее корреспондент бельгийского информационного агентства Бельга,—вернулась в Вашингтон несолоно хлебавши»).

«Как стало известно,— сообщило агентство,— французский министр внешних сношений Ролан Дюма заявил по этому поводу. «Мы приехали сюда не для того, чтобы поддерживать американскую инициативу». Франция не оказалась в одиночестве, поскольку от американского проекта уже отмежевались Норвегия, Дания и Греция. Пришлось Дж. Шульцу делать хорошую мину при плохой игре.

Правда, игра далеко еще не кончена. Она только начинается. И Вашингтон уверен, что трансатлантические союзники пошумят, пошумят, а потом сделают «как надо». Чтобы стимулировать именно такой ход событий, американцы усиленно нажимают на союзническую солидарность, подчеркивают свое желание и свою готовность консультироваться с партнерами по НАТО, учитывать их интересы. «США не будут принимать какого-либо решения по стратегической оборонной инициативе,— обещает М. Кампельман,— не обсудим этого вопроса с союзниками. СОВСЕ должна быть фактором укрепления Атлантического союза. Если она не укрепит его, она не будет продолжена». Перед нами — явный пропагандистский, рекламный перебор. Американцы будут гнуть свою линию независимо от того, что происходит на европейском фланге НАТО. Они уверены в своих силах и своем влиянии.

реть глубже, то окажется, что западногерманские официальные лица и политические деятели серьезно встревожены воздействием СОВСЕ на их безопасность, их отношения с Советским Союзом и их внутреннюю политику». В еще большей степени сказанное относится к «официальным лицам и политическим деятелям» других стран НАТО.

Пускается в ход и более тонкая политическая логика. Если, внушают американцы союзникам! вы не поддержите нас, то ослабнет общая позиция Запада. И наоборот, если Западная Европа поддерживает СОВИ, включится в ее реализацию, «русские» будут более покладистее, и мы скорее договоримся с Востоком. Эта логика действует на западноевропейцев. Они хотят, чтобы советско-американские переговоры не сорвались. Но они хорошо понимают, что есть и другая политическая логика: упор Вашингтона на СОВИ (даже при полной и безоговорочной поддержке Западной Европы) может стать главным препятствием на пути договоренности о сокращении стратегических вооружений. И этот второй вариант гораздо более логичен, чем первый. Что, как уже говорилось, не устраивает Западную Европу. Предлагаемая Вашингтоном перемена стратегий, опасаются союзники, перечеркивает надежду на сокращение вооружений и ведет, по выражению Р. Дюма, к «сверхвооружению»¹. И вообще к такому повороту событий, который полностью выходит из-под контроля и влияния Западной Европы.

В последнее время наметился любопытный поворот в аргументации американцев. Более или менее деликатно, но они дают понять, что космический щит, сооружаемый в США, вряд ли сможет полностью, надежно защитить Западную Европу, хотя они, американцы, будут к этому стремиться.

---

¹ «Доктрина безопасности Франции основана на средствах сдерживания,— говорит министр.— И Франция полагает, что равновесие наступательных сил в мире гарантирует безопасность. Это было правилом с очень давних пор. Подобная концепция подтвердилась. Американская инициатива, получившая название стратегической оборонной инициативы, имеет целью изменение этой доктрины. Мы заявили, что использование космоса в силу этого американского плана означает, по существу, сверхвооружение. Что же касается французской доктрины, то, основываясь на равновесии наступательных сил, она состоит также в следующем: нужно сократить до максимально низкого уровня эти наступательные и в особенности ядерные силы. Американский же план не только ведет к сверхвооружению, каким стала бы милитаризация космоса, а следовательно, не только к усилению риска и опасности, но и не отвечает стремлению обеспечить безопасность».

И было бы полезно, если бы союзники начали работу над собственным проектом, ориентированным на специфику Западной Европы, и тем самым дополнили бы СОВ своей «ЕвроСОВ». Об этом говорит верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Бернард Роджерс. На этом настаивает европейское отделение «Херитидж фаундейшн». Следует заметить, что в определенных кругах Западной Европы эта идея вызывает воодушевление.

Осознавая не очень высокую популярность своих политико-стратегических аргументов, американские власти жмут на аргументы технико-экономические. Или, говорят они, вы будете помотать нам, работать вместе с нами, или технологический разрыв между США и Западной Европой будет продолжаться расширяться. В качестве особо эффективной приманки используется ссылка на то, что 90 процентов работ, запланированных в рамках СОВ, будут иметь гражданское применение.

Рассуждения о том, что военные исследования, военное производство оказывают благотворное воздействие на гражданские отрасли хозяйства, на общий тонус экономики, давно уже стали одним из шаблонов милитаристской пропаганды. Но факты не подтверждают указанный тезис.

По мнению специалистов! технические устройства, которые намечено создать в рамках СОВ, будут иметь настолько узконаправленный, специализированный характер, что в большинстве случаев у них просто не будет гражданской области применения. Есть и более общие соображения. Именно американский опыт показал, что польза от гражданского применения военно-технических отходов несравнима с теми потерями, которые несет общество от огромных затрат на военное производство и военную науку. «Вряд ли можно сомневаться,— писал известный американский экономист Э. Мэнсфилд,— что тот выигрыш, который имели гражданские отрасли от военных... программ, был бы надежнее и обошелся бы дешевле, если бы средства такого масштаба были направлены непр-

средственно на гражданские цели»¹. Теоретически — это прекрасный, неопровержимый довод. Но там, где целью производства служит не удовлетворение общественных потребностей, а получение прибыли, действуют иные доводы. Поэтому агитация американцев далеко не безуспешна. Поэтому в Западной Европе активно действует проамериканское лобби, которое выступает за объединение «звездных» усилий по обе стороны Атлантического океана. «Участие в исследованиях,— пишет Ю. Тоденхёфер,—г воспрепятствовало бы возникновению безнадежного технологического отставания Европы от США и Советского Союза. Не СОИ ведет к «отколу», а неучастие европейцев в этой научно-исследовательской программе могло бы повлечь за собой опасный военный и технологический «самооткол» Европы от США». И так думают многие, особенно в хозяйственной сфере.

Пожалуй, наиболее рельефно стремление к сотрудничеству с США в технической области проявляется в позиции ФРГ. В уже цитированномся заявлении от 18 апреля Г. Коль говорит: «Мы догк-

---

¹ К такому же выводу пришла и группа видных итальянских ученых. «Мы хотим подчеркнуть один аспект,—пишут они,— который, несмотря на его очевидную убедительность, часто игнорируют: а именно тот факт, что там, где политика капиталовложений в передовых научно-технических отраслях оказывается плодотворной с промышленно-экономической точки зрения, гораздо выгоднее непосредственно направить эту политику на содействие развитию, вместо того чтобы добиваться какого-то прогресса в гражданской области в качестве второстепенного эффекта военных исследовательских программ, которые из-за их целей, а также по другим причинам, связанным с самим их характером (например, секретность, которая препятствует эффективному контролю), отличаются очень высоким коэффициентом разбазаривания средств. Примером абсолютной правильности этого замечания является экономический и промышленный успех Японии, бедной ресурсами, потерпевшей поражение во время второй мировой войны и не имеющей прочно укоренившихся научно-технических традиций. В этой стране капиталовложения на научные исследования и на развитие техники характеризовались до сих пор в меньшей степени, чем в других странах, разбазариванием средств, вызванным главным образом военной ориентацией промышленной политики».

ны быть заинтересованы и мы не можем не быть заинтересованы в результатах исследований, которые будут иметь преобразующее воздействие в сфере гражданского применения, а также могут быть полезны для нашей промышленности. Одни только технико-экономические интересы не могут определять решения о нашем возможном участии в исследовательской программе. Однако мы должны позаботиться и о том, чтобы Федеративная Республика Германии и Западная Европа не остались в стороне от технического прогресса и тем самым не превратились как бы во второстепенные силы». Там, где говорят «тех-микс-экономические интересы», там вступает в свои права точный расчет,— чтобы не продешевить, соблюсти эти самые интересы, получить выгоду. И Г. Коль с немецкой обстоятельностью формулирует «критерии и условия» возможного сотрудничества. Оно должно: (1) обеспечивать честное партнерство и свободный обмен полученными знаниями, (2) не быть в техническом отношении дорогой с односторонним движением, (3) в меру возможностей целиком предоставлять ФРГ какую-то исследовательскую область и (4) позволять тем самым влиять на общий проект.

««Эврика»»

Смысл всех этих «критериев и условий» — сотрудничество на равных. Западная Европа отказывается (во всяком случае — пока отказывается) выступать в роли субподрядчика и требует признания ее равноправного статуса. Особенно четко это проявляется в позиции Франции. Французы не верят американцам и не скрывают этого. «В Париже, — писал Жак Амальрик в «Монд», — не верят в искренность крайне расплывчатых предложений Вашингтона о сотрудничестве. Как там говорят, главная цель этих предложений — «парализовать критику СОВ» и подорвать инициативы европейцев щ

этой области. В связи с этим напоминают, что США всегда косо смотрели на развитие сотрудничества между европейскими странами в области передовой техники». С точки зрения Парижа, и М. Тэтчер и Г. Коль слишком поспешно высказались по поводу СОИ, не дождавшись обсуждения проблемы в европейских рамках, не продумав возможные альтернативы.

Французы поступили более радикально. В середине апреля 1985 года они предложили создать Европейское агентство по координации научных исследований, которое объединило бы и сконцентрировало усилия западноевропейских стран на важнейших, самых современных направлениях научно-технического прогресса — проект «Эврика»¹. Понятно, говорил президент Франции Франсуа Миттеран, что США хотят обеспечить себе научную, техническую и финансовую помощь Западной Европы, действуя на основе двусторонних соглашений. Надо воспрепятствовать этому, воспрепятствовать утечке умов. Ведь «сегодня ФРГ, Англия и Франция вместе выделяют больше кредитов на исследования, чем Япония или США. Но они не извлекают из этого возможную выгоду, поскольку их разобщенность не позволяет им пользоваться плодами этих колоссальных фундаментальных исследований». Развивая свою мысль, Ф. Миттеран подчеркивал: «Проект «Эврика» отвечает очень простой „идее: если Европа хочет обеспечить свое будущее в 90-е годы и в последующий период, уже сегодня необходимо совершить большой скачок в технической области. И чтобы совершить этот скачок вперед, Европа должна объединить свои силы». И еще: «Именно потому, что отставание Европы от США и Японии в области техники увеличилось в ущерб нам, мы должны отреагировать независимо от развития нынешних споров по стратегическим вопро-

---

¹ Судя по сообщениям печати, «Эврика» ориентирована на пять крупных программ: «Эроматик» — в области информатики, «Эроробо» — робототехники, «Эроком» — в области связи, «Эробио» — биотехнологии, «Эромат» — создание новых материалов.

сам, независимо от существующих между нами различий. Если этого не будет, мы просто-напросто утратим контроль над нашей собственной судьбой».

В Париже не устают настаивать на том, что «Эврика»—это СОВИ наоборот. СОВИ—это военная программа с важными последствиями для гражданских областей, тогда как «Эврика» — это гражданская программа, имеющая военные последствия.

В скобках, пожалуй, стоило бы заметить, что «военные последствия», о которых сначала упоминалось вскользь, мимоходом, со временем стали обретать более четкие очертания. Это заметили даже те, кто находится далеко от Парижа. Намерение направить программу «Эврика» непосредственно «на обеспечение безопасности Европы» японская «Асахи» оценила как «серьезное изменение курса Франции по данному вопросу».

Поначалу и в Бонне, и в Лондоне отнеслись к «Эврике» настороженно. Опасались, что жесткое противопоставление французской и американской программ, «Эврики» и СОВИ, необходимость выбора между ними слишком обострят трансатлантические отношения. Но по мере официальных и неофициальных контактов между тремя столицами выяснилось, что «Эврику» можно рассматривать не как альтернативу СОВИ, а как своего рода параллельный проект. Это открывало возможность для проявления и натовской солидарности (участие в СОВИ), и европейского патриотизма (участие в «Эврике»). На сессии Совета Европейских сообществ (Милан, июнь 1985 года) «малая Европа» поддержала французский проект¹. В пользу «Эврики» высказались и такие гиганты электроники, как французская компания «Томсо-н», голландская «Филипс», западногерманская «Сименс» и английская «Дженерал электрик». Что, надо полагать, не исключает их подключение и к СОВИ.

17 июля 1985 года в Париже состоялась конфе-

---

¹ Интересно отметить, что о проекте «Эврика» с похвалой отозвалась Китайская Народная Республика, осудившая программу «звездных войн».

решения по проекту «Эврика». Участвовали 17 государств: все члены ЕЭС плюс Австрия, Швейцария, Норвегия, Швеция и Финляндия. Впоследствии к ним присоединилась Турция. Все были «за». В коммюнике сказано: «С сего дня «Эврика» создана». Однако практические вопросы (органы управления, порядок финансирования, выбор первоочередных проектов и т. д.) еще далеко не решены. Эти и другие нерешенные вопросы рассматривались на 2-й межправительственной конференции в Ганновере (5—6 ноября 1985 года). Конференция сделала значительный шаг вперед в закладке фундамента технологического сотрудничества западноевропейских стран. Но проблемы и трудности сохраняются. По-видимому, потребуется еще не одна конференция, чтобы «Эврика» прочно стала на ноги.

Как раз в то время, когда главы государств и правительств «Общего рынка» дискутировали в Милане, в Западной Европе находился вице-президент США Джордж Буш, направленный сюда для агитации за участие в реализации СОИ. Старался Буш вовсю. Соблюдал такт и деликатность, действуя больше пряником, чем кнутом, аргументами, а не угрозами. Даже «Эврику» поддержал. Однако не преуспел. Накануне визита Дж. Буша английская «Гардиан» писала, что у западноевропейских правительств «нет желания провожать вице-президента обратно в Вашингтон с «печатью одобрения» на программе «звездных войн». Так и получилось.

Одновременно с Бушем по Западной Европе путешествовал Э. Теллер. Он, естественно, тоже агитировал за СОИ. Но вряд ли вице-президент поблагодарил знаменитого физика за поддержку. На правах «анфан террибля», человека, которому вынуждены прощать все, Теллер иногда говорил правду. Сказка о том, откровенничал он на заседании симпозиума, устроенного в Париже консервативной организацией «Фонд будущего», что СОИ призвана служить ликвидации ядерного оружия на Земле, была придумана для внутреннего употребления в США, чтобы нанести удар по антивоен-

ному движению и заставить его смириться с СОВ. Почаще бы Теллер просвещал союзников...

Учитывая сложность обстановки, американцы забыли о 60-дневном сроке. Они решили действовать независимо от реакции правительственных кругов и начали устанавливать прямые контакты с западноевропейскими фирмами и научными учреждениями¹. Сообщалось, что в местечке Ной-Изенбург, под Франкфуртом, заместитель министра торговли США Лайонел Олмер и заместитель госсекретаря США Уильям Шнайдер встретились с руководителями ведущих западногерманских фирм, чтобы привлечь их к непосредственному сотрудничеству» в осуществлении СОВ. Приглашенные в Ной-Изенбург сотрудники министерства иностранных дел ФРГ сообщили министру: «Правительство США преследует свою цель: обеспечить для СОВ научно-исследовательский потенциал иностранных компаний. При этом оно не обращает внимания на то, что партнеры по НАТО еще отнюдь не приняли его предложение о сотрудничестве в рамках СОВ». И представителям фирм и — особенно — ученым трудно устоять; первым — перед обещаниями экономических и технологических выгод, вторым — перед щедрым финансированием. Так что дело у американцев движется вперед.

---

¹ Такой поворот был явно вынужденным и далеко не искренним. То, о чем администрация США думает, но молчит, сказал в серии своих парижских откровений тот же Теллер. «Нужно, — заявил он, — чтобы мы добились в ближайшие четыре года хотя бы частичных результатов, что вынудит преемника Рейгана продолжить эту программу...» Вот тут-то и важно сотрудничество Западной Европы не на уровне компаний, а на уровне государств. «Решение европейских стран, — увещевал Теллер, — может иметь исключительно важные последствия». Если они присоединятся, «достижение успеха в короткий срок будет более чем вероятным и будет обеспечен долгосрочный успех».

Париж. Бонн. Лондон

К концу 1985 года ни НАТО, ни Европейское экономическое сообщество не приняли решений о поддержке СОВИ и тем более об участии в ее реализации. Отношение к американской «инициативе» — при общей настороженности — меняется от страны к стране.

Главная оппозиционная сила — Франция. Сказываются, видимо, традиции голлизма, которые включают в себя обостренное национальное самосознание, повышенную чувствительность к нарушениям национальной независимости. Суммируя мотивы, которыми руководствовался Париж, отвергая участие в СОВИ, премьер-министр Франции Лоран Фабюс заявил: «Пока содержание этой программы неясно¹. Мы выступаем против чрезмерного наращивания вооружений. Если СОВИ будет проводиться в жизнь, то существует угроза новой вспышки вооружений в космосе. Кроме того, эту программу планируется осуществить в ближайшие 20—40—50 лет. Однако безопасность нужно в должной степени обеспечивать и до осуществления стратегической оборонной инициативы. Существует опасность того, что люди будут неправильно оценивать саму суть СОВИ, не понимая, что она представляет собой долгосрочную программу, и будут считать, что сейчас из-за этой инициативы отпадает необходимость в ядерном сдерживании. К тому же с научно-технической точки зрения мы хотели бы, чтобы к нам относились как к абсолютно равноправному партнеру. По этим причинам президент Франции отказался участвовать в этой программе».

На позиции Франции сказывается и стремление нынешнего Парижа нажимать на «европейскую идею», добиваться консолидации Западной Европы, не забывая при этом о желательности поднять

---

¹ Более красноречиво высказался Шарль Эрню: программа СОВИ «слишком неопределенна, слишком расплывчата»; нам «предлагается сесть в поезд, идущий неизвестно куда».

роль Франции на континенте. Перед лицом общности судеб континента, пишет в журнале «Монд дипломатик» его политический директор Клод Жюльен, совместная позиция европейских созников «напрашивается сама собой, несмотря на сильное давление, оказываемое Вашингтоном на каждую из заинтересованных столиц. Если они будут выступать поодиночке, существует опасность, что каждой из них придется в течение ближайших «двадцати или тридцати лет» соглашаться, в зависимости от результатов начатых исследований, с любым новым изменением доктрины, даже если оно покажется им несовместимым с собственной концепцией национальной безопасности».

Более энергично, но не в стратегическом, а в технологическом аспекте высказывался Ш. Эрню: «Отказаться от совместной (европейской) политики в области технологии — это значит осудить Европу на закат, а европейцев — на роль статистов».

В высказываниях многих французских официальных и неофициальных деятелей, размышляющих на «интеграционные» темы, все чаще звучит военная, «оборонная» нота, тесно связанная с эмоциональным неприятием американской военной опеки. «Народ, который приходится защищать, поскольку он не может обеспечить собственную безопасность,— пишет уже знакомый нам К. Жюлье,— всегда будет на положении вассала. Защита никогда не бывает бесплатной. А поскольку все равно придется платить, не лучше ли Европе финансировать собственную оборону, которой она могла бы распоряжаться сама, чем доверять ее сюзерену?.. Было бы неосторожно отвечать Рейгану и Уайнбергеру развязным и шумным отказом. Мудрее противопоставить им единую позицию Европы, которая им неудобна. Позицию, сочетающую вежливый интерес и символическое участие. Таким образом, Европа смогла бы посвятить большую часть своих средств усилиям, которые позволили бы ей иметь собственные спутники наблюдения и, если понадобится, спутники вмешательства».

Итак, западноевропейцам надо иметь «спутники

вмешательства». Сказано чрезвычайно деликатно. И все-таки, когда речь идет о вещах серьезных, полезно называть их своими именами. «Спутники вмешательства» — это не что иное, как космические ударные боевые системы. О них, как видим, думают не только в Вашингтоне. И не только думают, но и говорят, используя, правда, довольно туманные выражения. Выступая в феврале 1984 года перед нидерландским парламентом, президент Франции заявил: «Перед нами остается, однако, широкое поле деятельности, которое позволит нам обеспечить безопасность (Европы) не только с помощью обычных вооружений, но и с помощью новых средств, которые сейчас стремительно появляются на мировой арене. Если мы не хотим отстать в более близком, чем может показаться на первый взгляд, будущем, нам следует подумать о чем-то, помимо ядерного оружия. Приведу лишь один пример, а именно — завоевание космоса. Если Европа сумеет вывести на орбиту обитаемую космическую станцию с целью наблюдения и передачи информации, что позволит отвести всякую возможную угрозу, она сделает большой шаг вперед в деле своей обороны. Не говоря уже о прогрессе вычислительной техники и искусственного разума, а также об известной уже возможности создать снаряды, движущиеся со скоростью света. Европейское космическое сообщество будет, по моему мнению, ответом, наиболее созвучным военным реальностям завтрашнего дня». В феврале 1985 года Ф. Миттеран уточнил: Франция предлагает «европейский космический прогресс, который в ближайшие 30 лет изменит все факторы мировой стратегии, в том числе ядерной стратегии». И добавил: «Я даже заявил нашим партнерам, что если Европа от этого откажется, Франция сделает это самостоятельно». Вот так выглядят «военные последствия» проекта «Эврика», если рассматривать его в той перспективе, которая видна из Парижа...

Поскольку позиция Парижа не столько антиамериканская и даже не столько проевропейская, сколько профранцузская, то, исходя из своих и нте-

ресов, Франция не будет лезть на рожон и бить посуду, а будет лавировать в границах, очерченных ее пониманием атлантической солидарности и французских интересов.

Ближе к позициям США — Федеративная Республика Германии, На очередном совещании «семерки» в Бонне (май 1985 года) Г. Коль в весьма энергичных выражениях поддержал «инициативу» Р. Рейгана. Это вызвало неприкрытое раздражение Ф. Миттерана. По-видимому, был недоволен своим шефом и вице-канцлер ФРГ Ганс Дитрих Геншер. И канцлеру пришлось внести коррективы в свою позицию, сделать ее более осторожной, более гибкой. 20 мая в своей речи в Штутгарте перед 184 парламентариями из стран — членов НАТО Коль сказал, «что СОВСЕ сулит западному союзу «одновременно и возможности, и опасности»». Тем не менее как по политическим, так и по экономическим соображениям правительство ФРГ вряд ли откажется от участия в программе «звездных войн». Руководящие круги Западной Германии видят свою задачу в том, чтобы совместить проамериканский и проевропейский компоненты своего курса, а также выторговать себе максимально выгодные технико-экономические условия сотрудничества¹.

Была информация о том, что ФРГ будет участвовать в реализации СОВСЕ независимо от участия или неучастия других западноевропейских* государств, «Разумеется, правительство примет участие,— заявил генеральный секретарь Христианско-демократического союза Хайнер Гайслер.— Все иное было бы идиотизмом. И если никто больше в Европе не примет участие, мы участвовать будем». Эту выразительную постановку вопроса не менее выразительно комментировал «Шпигель»: «Канцлер Коль

---

¹ Западногерманская общественность настроена по-другому. Так, согласно результатам опроса, проведенного одним из институтов общественного мнения ФРГ, 60 процентов граждан республики отвергают участие своей страны в «стратегической оборонной инициативе», За участие высказалось лишь 17 процентов.

ввязался в безумную авантюру: Бонн примет участие в американских космических вооружениях и в случае необходимости — даже в одиночку. Тем самым Федеративная Республика приковывает себя навечно к Соединенным Штатам и становится враждебным Советскому Союзу прифронтовым государством. Цена высока: технологией США Европа вряд ли может воспользоваться, зато ей придется смотреть на то, как рушится разрядка». Трудно сказать, какие доводы подействовали на правительственные круги ФРГ, но они решили избавиться от слишком уж бросающегося в глаза крена в сторону интересов США. Помирились с Парижем. Благословили «Эврику». Бонн, заявил государственный министр в МИД ФРГ Юрген Меллеман, «должен отдать приоритет европейским программам технологического развития, базирующимся на принципе равноправия». Такой подход был подкреплен мнением группы экспертов ФРГ, побывавших в Вашингтоне. Они вернулись на родину с впечатлением, что США) стремясь заручиться политической поддержкой СОВ, отнюдь не собираются в полной мере поделиться технологическими преимуществами от выполнения программы «звездных войн». Словом, и хочется, и колется...

Включаясь в работу по осуществлению СОВ, в той или иной степени, несмотря на все коррективы и оговорки, ФРГ должна взять на себя часть ответственности за стратегическую систему оружия, не имея при этом права голоса в вопросах ее размещения и контроля за нею. Оппозиционные круги рассматривают это как авантюру. «Западногерманское участие в американской «стратегической оборонной инициативе», — пишет председатель подкомиссии бундестага по разоружению, директор Гамбургского института по изучению международных проблем Эгон Бар, — означает на деле движение к стратегическим вооружениям. Тем самым мы берем на себя ответственность, независимо от того, будем ли мы затем обладать этим оружием или нет. И мы будем нести эту ответственность со всеми последствиями, которые могут исходить из этого для на-

ших отношений со странами Восточной Европы. Мы можем стать младшими поставщиками и финансистами без права голоса и без возможности снизить проистекающий из этого ущерб». Бар прав. Но в Бонне мыслят иными категориями¹.

Лондон прокладывает свой курс ближе к Бонну, чем к Парижу. «Эврику» англичане принимают. Принимают и СОВ. Но критические ноты поначалу слышались в официальной Англии, пожалуй, громче, чем в Бонне. Комментируя высказывание министра иностранных дел Великобритании Дж. Хау о программе «звездных войн», лондонская газета «Санди телеграф» писала: «По сути дела, сэр Джеффри отбрасывает предлагаемый президентом проект создания... обороны в космосе как дорогостоящую, нереальную и потенциально опасную фантазию, как своего рода линию Мажино в небе, которую, возможно, постигнет та же судьба — если когда-нибудь она будет испытана на деле,— что и ее прообраз, созданный на твердой земле». Газета, наверное, преувеличивала негативизм «сэра Джеффри». Тем не менее его высказывания идут значительно дальше* осторожных оговорок премьер-министра. Хотя, как утверждали журналисты, М. Тэтчер санкционировала фронду своего министра иностранных дел...

Президентская «инициатива» встречает возражения и со стороны тех, кто полагает, что миллиарды, предназначенные для СОВ, следовало бы истратить с большей пользой для реального, земного дела — на модернизацию обычных* вооружений, которые, можно добавить, становятся все более необычными. Так думает, например, бывший директор Королевского института международных отношений Дэвид Уотт. «Вся эта инициатива,— сердится он,— по-прежнему производит впечатление опасного помрачения ума, а также преступного разбазаривания огромных ресурсов и отвлечения их от гораздо более актуальных стратегических пер-

¹ Есть нечто общее между позициями ФРГ и Японии. В обоих случаях правящие группы рассматривают участие в СОВ как возможность приобщения к стратегическим решениям, усиления своего влияния на мировые **дела**.

Поочерёдных задач». Соответственнб правительс-Г-бо вряд, ли делает доброе дело, поощряя такую инициативу.

Позиция английского правительства атакуется и с другой стороны. Лидер лейбористской партии Нил Киннок заявил, что «лишь безумец ил-и лжец могут утверждать, будто программа «звездных войн» остановится на стадии исследований». Реализация подобных программ, создающих лишь «иллюзию безопасности», но на деле ведущих к усилению гонки вооружений, отметил он, является «бессмысленным разбазариванием финансовых средств, достижений передовой технологии и научной мысли». «Концепция неуязвимого ядерного зонтика — это фантазия», — сказал Киннок. Он назвал Маргарет Тэтчер «госпожой-эхом президента Рейгана» за ее заявления о поддержке английским правительством исследовательских работ по программе «звездных войн». Возможно, по части «эхо» Н. Киннок несколько, хотя и по понятным причинам, перегибает палку. Но премьер-министр действительно не хочет расставаться с репутацией самого стойкого сторонника президента Рейгана.

Американцы могут радоваться. В конце октября 1985 года тогдашний министр обороны Великобритании Майкл Хезлтайн договорился со своим коллегой из Вашингтона об условиях участия Великобритании в научно-исследовательской программе СОИ. Англичане сняли свое главное требование — «гарантировать им заказы на 1,5 миллиарда долларов. «Зато» им обещана «доля» в работе по восемнадцати научно-техническим направлениям.

По аналогичному пути идет ФРГ и, не исключено, пойдет Италия.

Негативные по отношению к участию в СОИ позиции заняли Греция, Норвегия, Дания и Нидерланды. Остальные европейские члены НАТО пока размышляют¹.

---

¹ Об атмосфере, характерной для Западной Европы, свидетельствует такой эпизод/Председатель Комиссии европейских сообществ Жак Делор неожиданно заявил о намерении руководства ЕЭС выделить для участия в СОИ финансо-

В общем, Западная Европа спорит, колеблется, говорит «да» и тут же добавляет «но...». Разные классы, разные социальные группы выдвигают различные аргументы и контраргументы, различные соображения, мотивируют свои позиции, исходя из своих специфических интересов. Сказывается растущее понимание того, что перенос гонки вооружений в космос резко ухудшит международную обстановку, а значит, ухудшит и стратегическое положение Западной Европы. Но сказывается и жесткий прессинг американцев.

Западная Европа на распутье. В который уж раз...

Договор под ударом

Анализируя содержание и направленность программы «звездных войн», невозможно обойти ее отношение к советско-американскому Договору об ограничении систем противоракетной обороны. Коротко говоря, отношение это таково: программа «звездных войн» — даже на нынешнем этапе реализации СОИ — решительно противоречит Договору по ПРО и в перспективе неизбежно приведет к перечеркиванию Договора.

вые средства. Буквально через день министр иностранных дел Дании У. Эллеман-Енсен выступил с заявлением, в котором он подчеркнул, что Дания «абсолютно не поддерживает» предложение Ж. Делора об участии стран «десятки» в осуществлении рейгановских планов «звездных войн». На страницах газеты «Юлландс-Постен» он отметил: «В задачу ЕЭС не входит участие в разработке совместных программ производства вооружений, а также в программах, касающихся оборонительных систем. Я весьма удивлен предложением председателя ЕЭС».

Этот Договор был подписан в Москве 26 мая 1972 года. Согласно ст. III Договора, каждая сторона могла иметь не больше двух локальных систем ПРО, например для прикрытия столиц или районов размещения баллистических ракет. Протокол к Договору от 3 июля 1974 года ограничил ПРО только одной локальной системой для каждой стороны. Это было подтверждено совместным заявлением СССР и США от 24 ноября 1974 года.

Американская администрация самым решительнейшим образом возражает против такой постановки вопроса, СОВ," убеждают нас,— это исключительно программа научно-исследовательских работ. И такие работы разрешены Договором по ПРО. «Ключевой факт, игнорируемый многими критиками СОВ,— говорится в брошюре Белого дома,— заключается в том, что СОВ-г-исследовательская программа, а не программа развертывания вооружений. Вопрос о переходе к развертыванию действительной системы противоракетной обороны возник бы много лет спустя, когда исследования в рамках СОВ обеспечат выбор вариантов реально достижимой и позвольительной в отношении финансов эффективной обороны». Настаивая на этом тезисе, К. Эдельман утверждает: «Стратегическая оборонная инициатива представляет собой только научно-исследовательскую программу. Она не предусматривает разработку и испытания, несовместимые с Договором по ПРО. Научные исследования в области оборонительных систем, вытекающие из президентской инициативы, не только разрешены на основании Договора по ПРО, но за них активно ратовало правительство Никсона как за необходимую страховку на случай осуществления советских программ».

Что же на самом деле зафиксировано в Договоре по ПРО? Его ст. V предусматривает обязательства сторон «не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного! космического или мобильно-наземного базирования». Что из этого следует? Из этого действительно следует, что Договор по ПРО не накладывает запрет на собственно научно-исследовательские работы,— а именно те, которые не выходят за лабораторные рамки и не направлены в силу поставленной перед ними задачи на создание систем ПРО, запрещенных Договором. Однако дело в том, что именно эти рамки взламывает президентская «инициатива».

Во-первых, сама по себе цель интенсивных научно-исследовательских работ, которыми заняты

американцы, состоит в создании полномасштабной ПРО, запрещенной Договором.

Во-вторых, ассигнуемые на СОИ огромные суммы свидетельствуют о том, что предусматриваются не только собственно научно-исследовательские работы, но и дорогостоящие "программы конструкторских разработок, создание и испытание компонентов и подсистем полномасштабной ПРО.

Американцы утверждают, что в любом случае переход от научно-исследовательских работ и конструкторских разработок к созданию ПРО будет сознательно контролируемым процессом и что вполне возможно будет разорвать эту цепочку. Однако научные исследования и конструкторские разработки такого размаха вполне могут, как справедливо предупредил Дж. Хау, «породить свою собственную безостановочную инерцию». Это же беспокоит и итальянских ученых. Крупные финансовые вложения, полагают они, а также направленность научно-технических исследований могут привести к появлению «определенных интересов и технологической тенденции в пользу создания средств для «звездных войн», независимо от всех разумных политических и стратегических доводов и отвергая все здравомыслящие мнения о невозможности достижения цели». Дельное соображение. Возрастание роли и значения военно-промышленного комплекса ведет к тому, что политика становится служанкой военного производства, военной технологии.

В-третьих, намечаемые и уже проводимые в рамках СОИ испытания — их иногда стыдливо именуют «технологическими демонстрациями предварительных прототипов» — далеко выходят за пределы лабораторий. По сообщению генерала Абрахамсона, предстоят, в частности, испытания системы раннего обнаружения на начальном этапе и системы распознавания ракет на пассивном участке траектории. Будут проводиться испытания эффективности инфракрасных датчиков (расположенных в космосе) при распознавании объектов в фазе возвращения в атмосферу. Практическому ис-

следованию будут подвергнуты возможности наземных лазеров (с помощью зеркал, находящихся в космосе) перехватывать ракеты на начальном этапе. Важное значение придается испытанию систем стабилизации платформ, на которых будет установлено космическое оружие.

Программа испытаний явно форсируется. По словам того же Абрахамсона, первые испытания в космосе средств борьбы против ракет в рамках СОИ должны произойти на два года раньше намеченного срока — в 1987 году. Начиная с этого времени два полета «Шаттлов» в год будут осуществляться в рамках программы «звездных войн». Но уже сейчас, задолго до этого срока, ООСОИ начала использовать полеты «Шаттлов» для отдельных экспериментов. Так, в июне 1985 года исследовалась возможность сопровождения лучом лазера наземного базирования быстро движущегося орбитального объекта; в этом же эксперименте изучалась возможность компенсации рассеивающего действия атмосферы¹.

Кроме того, для испытаний по программе СОИ будет использоваться полигон на атолле Кваджалейн. 10 июня 1984 года там уже был произведен эксперимент по управляемому перехвату ракет за пределами атмосферы. Неядерная ракета, запущенная с одного из островов атолла, перехватила и уничтожила на высоте 160 километров межконтинентальную ракету, запущенную с Калифорнии.

Нет, американцы думают не о том, можно ли осуществить полномасштабную ПРО, а о том, как ее осуществить. И не знаю, какая уж доза лицемерия нужна, чтобы назвать все это исключительно научно-исследовательской работой. Тем более соответствующей Договору по ПРО.

---

¹ Аргонный лазер низкой энергии был установлен на горе Халеакола (Гавайи, остров Мауи). Луч этого лазера должен был попасть на зеркало диаметром 20 сантиметров, расположенное на иллюминаторе корабля «Дискавери», и сопровождать корабль в течение 5 минут. Отраженный луч предлагалось принимать на земле. Первая попытка, сделанная 19 июня, не удалась, так как корабль не развернулся зеркалом к земле. 21 июня эксперимент прошел успешно.

Пытаясь обосновать свою позицию, американцы прибегают к замысловатому юридическому крючкотворству. Делается это разными способами. Например, так. В ст. II Договора указано: «Для целей настоящего Договора системой ПРО является система для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траектории полета», состоящая сев настоящее время» из ракет-перехватчиков ПРО, их пусковых установок и радиолокационных станций ПРО. Отсюда делается вывод — значит, запрет Договора не распространяется на орбитальные лазерные станции. Но ведь не случайно, видимо, составители Договора употребили ограничивающие слова «в настоящее время». Этим они дали понять, что по смыслу, по духу Договора «в будущее время» под его действие подпадают любые мыслимые системы ПРО, в том числе и основанные на других физических принципах. Тем более что запрет, содержащийся в ст. V, не содержит каких-либо ограничений.

Защитники СОВ прилагают незаурядные усилия, чтобы вложить свой смысл в обязательство «не создавать» различные системы ПРО (ст. V). Они спорят по поводу того, как понимать термин «компоненты» системы ПРО (ст. II, V, VI). Они стремятся по-своему перетолковать обязательство не придавать другим средствам «способности решать задачи ПРО» и «не испытывать их в целях ПРО» (ст. VI). И это — не ординарное буквоедство. Это — продуктивная линия на расшатывание Договора по ПРО, ослабление его запретов, выворачивание Договора наизнанку. Американцы не хотят (пока не хотят) идти наперекор мировому общественному мнению, которое высоко ценит Договор об ограничении систем противоракетной обороны. И поэтому они маневрируют, ловчат, пускаются во всякие хитроspлетения, лишь бы создать видимость, что осуществление СОВ ничуть не расходится с требованиями Договора.

Охота за спутниками

Ложь относительно «исключительно исследовательской» работы становится особенно явной, если мы привлечем к рассмотрению программу создания противоспутникового оружия (ПСО). Тут американцы не лицемерят. Тут они прямо говорят, что создадут, испытывают и собираются развернуть систему оружия, способного уничтожать спутники. Правда, они настаивают на проведении принципиального различия между СОИ и ПСО. В первом случае речь идет будто бы только о пассивных, чисто оборонительных системах, во втором же — действительно создаются ударные боевые системы. Но такого различия нет. Мы уже видели, что средства обороны вполне могут быть и средствами нападения.

Близки СОИ и ПСО и по своим техническим основам. Вот что пишет, например, военный обозреватель «Бостон глоб» Фред Каплан: «Фактически те технические средства, которые нужны для новейших систем противоспутникового оружия — механизмы слежения, датчики, лучи и т. д., — довольно схожи с техническими средствами, требуемыми для того, чтобы свивать баллистические ракеты. И логика гонки вооружений в области ПСО открывает большие возможности для сторонников «звездных войн», которые смогут протащить свои программы разными путями через черный ход, если дело кончится тем, что парадную дверь перед ними закроют». Об этом же можно прочитать и в «Нью-Йорк тайме». Вопрос о противоспутниковом оружии, — пишет газета, — также имеет большое значение, «поскольку часть упомянутой техники могла бы быть использована в рамках плана администрации Рейгана, предусматривающего создание противоракетного оружия космического базирования. Например, в прошлом году был произведен успешный перехват ракетной боеголовки за пределами атмосферы. Сделано это было в рам-

ках армейского проекта, посвященного противобрикетной обороне, с использованием техники наведения на цель, почти идентичной противоспутниковому оружию военно-воздушных сил». Именно эти обстоятельства имеет в виду Д. Грэхэм, когда доказывает возможность создания эффективной ПРО на базе уже существующей технологии и в кратчайшие сроки.

Практические работы по ПСО ведутся в США уже давно, более двух десятилетий. Еще в 1963 году президент Кеннеди одобрил план создания «активного противоспутникового потенциала». В 1964 году в США были испытаны и развернуты для противоспутниковых целей несколько ракет «Ника-Зевс», Одновременно американские ВВС для этих же целей испытывали ракету «Тор». Такие ракеты противоспутникового назначения были установлены на атолле Кваджалейн и на острове Джонстон в Тихом океане и оставались на своих позициях до 1975 года.

Годы разрядки привели к началу переговоров о запрещении противоспутникового оружия. Однако в 1979 году после трех туров таких переговоров американцы отказались их продолжать. Был взят курс на активное включение ПСО в боевой потенциал. «Ясно,— заявил начальник штаба ВВС США Лью Аллен,— что использование спутников для ведения войны — жизненно важно для всех нас». Отсюда ясна и «жизненная важность» обратной задачи — лишить противника такой возможности¹. В директиве президента США о национальной космической политике четко сказано: «Соединенные Штаты будут продолжать разрабатывать потенциал противоспутниковых систем с целью... лишения любого противника возможности использования систем космического базирования, пред-

---

¹ < «Определенные низкоорбитальные советские спутники,— заявил директор управления перспективных научно-исследовательских проектов министерства обороны США Р. Купер,—представляют серьезную угрозу нашим наземным, морским, аэрокосмическим силам, и мы должны иметь возможность нанести удар по этим системам,..»

назначенных для оказания поддержки вооруженным силам».

Поскольку выяснилось, что ядерные взрывы генерируют электромагнитные импульсы, которые будут выводить из строя не только чужие, но и свои спутники, ныне упор делается на неядерное ПСО. Ведутся испытания в рамках программы АСАТ (АгШ-Şa{e1}Шe 5y51eт). Реактивный истребитель Ф-15 почти вертикально поднимается к верхним слоям атмосферы и выпускает двухступенчатую ракету. На этой ракете укреплен «миниатюрный самонаводящийся летательный аппарат» — небольшой цилиндр («консервная банка»), в котором находятся мини-двигатели, телескопы и инфракрасные датчики. Цилиндр, весящий примерно 33 фунта, самонаводится на спутник и таранит его. Атакуемый спутник выводится из строя простым ударом, без взрыва. Начата работа над ПСО третьего поколения (с использованием лазеров и т. п.).

Смысл ПСО (и в этом еще одна параллель с СОИ) — обеспечить агрессору возможность выживания после нанесения им первого удара. «Для Соединенных Штатов, — свидетельствует один из американских специалистов Т. Кэрас, — создание противоспутниковых систем не имело бы смысла, если бы не планировалось осуществлять первый удар, начать ядерную войну». Более конкретен Ф. Икле: «Применение, противоспутниковых систем в качестве составного элемента первого удара для уничтожения всех или многих «ключевых» спутников противника призвано значительно затруднить ответный удар». Уничтожить чужие спутники и сохранить свои — так ставится задача. А сохранить свои, значит, существенно увеличить точность, эффективность ракетно-ядерных ударов; поддерживать постоянное управление ядерным потенциалом, иными словами — обрести способность, как полагают американские стратеги, вести и «выиграть» не только «ограниченную», но и «затяжную» ядерную войну. И снова мы сталкиваемся с уже знакомой особенностью американского военного Мышления: переоценкой своих возможностей и недооценкой воз-

возможностей противника. А поскольку эти возможности как минимум равны, то расчеты американцев приобретают эфемерный характер.

Советский Союз исходит из того, что обеспечение безопасной работы спутников каждого государства служит в нынешних условиях одним из элементов общей военно-стратегической стабильности. Мы выступаем за радикальное решение вопроса о противоспутниковом оружии: полный отказ государств от создания новых противоспутниковых систем, а также ликвидация уже имеющихся таких систем. В порядке, так сказать, примера Советский Союз объявил в августе 1983 года мораторий на все запуски и испытания ПСО. Однако Вашингтон не желает воздерживаться. В январе 1984 года в рамках АСАТ США произвели испытание двигателя ракеты, запускаемой с Ф-15. В ноябре испытывались инфракрасные датчики и ракеты, наводящие боеголовки на цель. Осенью 1985 года начались комплексные испытания всей противоспутниковой системы.

Следует заметить, что в США не так уж мало людей, которые понимают опасность милитаризации космоса. В конце 1984 года конгресс США запретил испытания ПСО до 1 марта 1985 года. А в конце февраля 1985 года более ста конгрессменов обратились к Р. Рейгану с письмом, в котором призывали президента сохранить в силе действие моратория на испытание системы АСАТ в течение всего времени переговоров в Женеве. К сожалению, в мае 1985 года сенат США дал Пентагону разрешение провести в 1986 финансовом году (1 октября 1985 года—1 октября 1986 года) еще три испытания противоспутникового оружия. Палата представителей не согласилась с сенатом и в конце июня проголосовала за запрещение испытаний.

В конце концов был найден такой компромисс. Конгресс санкционировал ассигнования на проведение трех испытаний в 1986 финансовом году. Однако Белый дом за пятнадцать как минимум дней до такого испытания должен дать конгрессу заверения в том, что выполнены четыре условия;

Белый дом стремится договориться с Москвой о лимитах на противоспутниковое оружие;

испытания не ухудшат перспективы таких переговоров;

испытания отвечают интересам безопасности США;

испытания не нарушают существующих договоров по контролю над вооружением.

Разумеется, Р. Рейган дал конгрессу все требуемые заверения. Хотя, казалось бы, президент — даже американский — должен более строго относиться к своим словам...

И буква, и дух

Рассматривая всю совокупность фактов, относящихся к активности американцев в деле создания и противоракетной и противоспутниковой обороны, нельзя не прийти к выводу, что нынешние руководители США внутренне уже переступили через Договор по ПРО. И это не столь-уж удивительно. Даже тогда, когда Договор по ПРО разрабатывался и подписывался, когда он уточнялся и видоизменялся, в США было немало людей, которые шли на это скрепя сердце.

Мы уже неоднократно встречались с высказываниями Ф. Икле, нынешнего заместителя министра обороны США по политическим вопросам. Было время (с 1973 по 1976 год), когда Икле руководил Агентством по контролю над вооружениями и разоружению, а значит, имел прямое отношение к Договору по ПРО. Весной 1985 года, вспоминая те почти мифические для него годы, когда миру «угрожала» разрядка, Икле пишет: с американской точки зрения, Договор «был предназначен для того, чтобы, подобно Фаусту, продать душу дьяволу ядерного уничтожения». С тех пор многие американцы «оплакивают сделку с дьяволом». Для этих плакальщиков, для нынешней администрации США

Договор не представляет ценности. Ждут лишь удобного момента, соответствующих условий, чтобы отказаться от Договора. «На данном этапе,— заявил 12 сентября 1984 года К. Уайнбергер,— мы проводим исследовательские работы с целью определить, может ли быть создана совершенно надежная система. Если может, то мы должны будем выйти за рамки Договора по ПРО». И суждение генерала Абрахамсона: «Когда будет разработана и готова к применению хотя бы часть всеобъемлющей системы ПРО, США должны будут договориться с СССР о модификации Договора по ПРО, так как некоторые его положения будут расходиться с задачами системы».

Любопытное суждение. Оно показывает, как руководитель работ по программе СОИ понимает содержание «исключительно исследовательской работы» — разработать и подготовить к применению «хотя бы часть» системы ПРО. Вот об этом и речь. И Договор по ПРО расходится не только с задачами такой системы, как аккуратно выразился Дж. Абрахамсон, а с характером, содержанием, направленностью тех работ, которые уже сейчас осуществляются по программе «звездных войн».

Продолжая размягчать свои обязательства, вытекающие из Договора по ПРО, американская администрация официально заявила о новой интерпретации Договора. Прежняя интерпретация сводилась к тому, что ограничения, вытекающие из Договора, вступают в силу тогда, когда работа над экзотическими средствами ПРО переходит в стадию полевых испытаний. Но вот 6 октября 1985 года по телевидению выступил Р. Макфарлейн, тогда помощник президента по национальной безопасности, и разъяснил: поскольку речь идет о системах ПРО, базирующихся на принципиально новой технологии, то Договор запрещает лишь развертывание их; создание и испытания любого типа не противоречат Договору по ПРО. Поднялся шум. Против новой, широкой интерпретации Договора протестовали союзники. Возмущались в конгрессе. Дж. Смит, человек, который возглавлял делегации? США на лере-

говорах о Договоре по ПРО, заявил, что интерпретация Макфарлейна «превращает Договор в мертвую букву».

И /президент США принял компромиссное! но отнюдь не соломоново решение: правильной нужно считать широкую интерпретацию Договора, но практически, осуществляя программу СОИ, администрация будет руководствоваться старой, узкой трактовкой.

Стремясь подвести юридическую базу под расширенное толкование Договора, американская администрация ссылается на согласованное заявление «Д», которое, по мнению Белого дома, допускает разработку и испытания средств ПРО космического базирования, основанных на иных физических принципах (лазеры, пучки частиц и т.п.). Ссылка на заявление «Д» не является корректной. Это заявление действительно открывает возможность разработки экзотических средств ПРО, но — и в этом суть дела! — лишь применительно к разрешаемым Договором ограниченным районам и лишь на стационарных наземных системах. Да, строго говоря, и старая, узкая трактовка американцами Договора по ПРО не выдерживает критики. Договор запрещает создавать основу для системы ПРО, прикрывающей всю территорию страны. А ведь именно на это направлена реализация СОИ.

Оправдывая свои действия, американские руководители заявляют, что Советский Союз первым начал нарушать Договор по ПРО. Ну а раз так, то американцам ничего не остается, как наверстать упущенное, идти по стопам Советского Союза. Конкретно нас обвиняют в том, что строительство в районе Красноярска радиолокационной станции противоречит ст. VI Договора, где говорится, что радары для предупреждения о нападении баллистических ракет нельзя развертывать, «кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне». Станция, о которой толкуют американцы, действительно строится» Однако, как много раз говорилось американцам, она предназначена для наблюдения и слежения за

космическими объектами/А такие РЛС разрешены. Отвечая на обращение «Союза обеспокоенных ученых», Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Советский Союз не создает ударных космических вооружений, широкомасштабной системы ПРО, равно как и основы для такой обороны, строго выдерживает свои обязательства по Договору в целом и в частности, неукоснительно соблюдает дух и букву этого важнейшего документа».

Заявление товарища Горбачева еще раз подтвердило, что Советский Союз решительно против легкомысленного отношения к Договору по ПРО. Мы рассматриваем этот документ как соглашение чрезвычайной важности. Он зафиксировал общую убежденность сторон, что развертывание ПРО, не гарантируя никому надежную оборону, практически гарантированно вызовет дополнительные стимулы гонки вооружений, добавит к существующим новые элементы недоверия, неопределенности, неустойчивости. В Договоре 1972 года говорится: «...эффективные меры по ограничению систем противоракетной обороны явились бы существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и привели бы к уменьшению опасности возникновения войны с применением ядерного оружия». Очевидно, эти соображения столь же верны в 1986 году, как и в 1972-м, Развертывание ПРО, выходящее за рамки Договора, не усилит, а ослабит безопасность сторон, не уменьшит, а увеличит угрозу войны.

С этим согласны многие -американцы. В заключительном докладе комиссии Скаукрофта (март 1984 года) говорится: «...стратегическое значение обороны от баллистических ракет и огромное значение Договора по ПРО для дальнейших соглашений о контроле над вооружениями диктуют, предельную осторожность при переходе к техническим разработкам в этой щекотливой области». Но, к сожалению, те, для кого готовился доклад, проявляют, я бы сказал, предельную неосторожность. И результат нетрудно предсказать: для восстановления паритета другая сторона вынуждена будет

в стает усиливать свой стратегический потенциал либо путем прямого наращивания наступательных сил, либо за счет их дополнения средствами обороны. В любом случае все это вело бы в итоге к неограниченной гонке вооружений. Такова реальная цена отхода от Договора по ПРО.

Цепная реакция последствий

Остается подвести итоги.

«Стратегическая оборонная инициатива» предусматривает не замену наступательных вооружений, а дополнение их новыми ударными боевыми системами. Эти новые системы, наряду с функциями обороны, будут облагать мощными наступательными возможностями. Стратегический смысл такого сочетания наступательных и оборонительных систем — использование «меча» под прикрытием «щита», создание благоприятных условий для нанесения первого обезоруживающего удара с последующим «выигрышем» ракетно-ядерной войны.

Почти маниакальная настойчивость нынешней администрации в осуществлении программы «звездных войн» может быть объяснена. Развертывание полномасштабной противоракетной обороны рассматривается в Вашингтоне как логическое завершение непрекращавшихся поисков стратегического превосходства Америки,—превосходства, с точки зрения команды Р. Рейгана, столь же естественного и необходимого, сколь естественно и необходимо превосходство «абсолютного добра» над «абсолютным злом». Нельзя сбрасывать со счетов и давление военно-промышленного комплекса, который фактически превратился в самовоспроизводящуюся систему, требующую новых и новых многомиллиардных заказов и соответственно направляющую политику в русло своих финансовых интересов и технологических возможностей.

Не подлежит никакому сомнению, что попытки

бсуществования президентской «инициативы» вызовет цепкую реакцию негативных последствий. Возникнет опасность существенного нарушения стратегического паритета. Милитаризация космоса сломает Договор по ПРО. Советский Союз вынужден будет предпринять контрмеры. Начнется новый, весьма опасный виток гонки вооружений. Будет поставлена под вопрос возможность договоренности о сокращении вооружений вообще. Все это усилит международную напряженность, нарушит и без того хрупкую стабильность. Уже первые подходы к осуществлению СОИ приводят к дополнительным сложностям в советско-американских отношениях. В конечном счёте увеличение потенциальных угроз и неопределенностей не дает выигрыш ни одной стороне, а проигрыш будет взаимным¹.

Здесь снова появляется К. Эдельман и говорит: «В советской пропаганде по вопросу СОИ часто бывает заметна любопытная непоследовательность... СОИ изображается как опасный и дестабилизирующий шаг, которому будут противопоставлены советские контрмеры. В то же время утверждается, что она бесполезна и не окажется эффективной». И следует ехидный вопрос: «Если СОИ не окажется эффективной, то почему же русские о ней так беспокоятся?»

Зря ехидничает Эдельман. Потому-то мы и беспокоимся, что именно нам, нашим контрмерам предстоит снизить эффективность СОИ. И мы, если будет нужно, это сделаем. Но мы, как уже было сказано много раз на любых уровнях, не хотим тратить интеллектуальные и материальные ресурсы

---

* В специальном докладе американского «Союза обеспокоенных ученых», опубликованном в марте 1984 года, сказано: «Приверженность США плану создания обороны против баллистических ракет вызовет ответ со стороны Советского Союза и цепочку действий и противодействий, которые радикальным образом изменят стратегическую обстановку в ущерб безопасности обеих сторон... Ядерный мир станет более уязвимым... В то время как так называемые достоинства такой системы являются отдаленными и гипотетическими, ее опасности стоят рядом и вполне предсказуемы». С таким выводом спорить трудно.

на новый виток гонки вооружений. У нас есть другие, более важные заботы. Это — во-первых. Во-вторых, нас беспокоит, что американцы, уверовав в эффективность, «абсолютную надежность» системы ПРО, решат однажды испытать ее на деле. Они сделают ошибку. Но уже некому будет ее анализировать. И в-третьих. Сам характер полномасштабной ПРО, те минимальные промежутки времени, в течение которых она должна обнаружить тысячи целей, направить на них средства поражения, оценить эффективность ударов и т. п., практически выключают человека из процесса принятия решений. Вопрос о том, быть или не быть человечеству, будут решать не люди, а компьютеры. И это тоже нас беспокоит. Как бы мы ни относились к американцам, мы предпочитаем иметь дело с ними, а не с их компьютерами, пусть даже «разумными».

И очень жаль, что все это не беспокоит американскую администрацию. Очень жаль, что люди, формирующие сегодня политику США, мыслят категориями доядерной эпохи. Они хотят обеспечить безопасность Соединенных Штатов за счет наращивания опасностей для других. Но в ядерный век такой курс не имеет будущего. «Страшная разрушительная сила ядерного оружия,— пишет Роберт Боуэн, президент института по изучению проблем космоса и безопасности,— сделала интересы США и СССР в области безопасности почти идентичными. Мы разделяем общую заинтересованность в выживании — цель, которая может быть достигнута, только если нам удастся предотвратить войну. Такого понятия, как национальная безопасность, больше не существует. Существует только общая безопасность». Тот, кто пытается увеличить угрозу другому, увеличивает угрозу и самому себе. Вот этой взаимозависимости никак не могут уразуметь в Белом доме. «Самое поразительное в речи Рейгана,— пишет известный американский журналист Струоб Тэлботт, имея в виду «звездную речь» президента,— это его подход к ПРО как к решению, которое США могут принять самостоятельно, а не как к проблеме, которая долж-

на решаться вместе с другой сверхдержавой. То же инстинктивное стремление к односторонней обороне, лишённое преимуществ двусторонней дипломатии, характерно и для его отношения к ядерному оружию вообще».

Вот это самое стремление решать «самостоятельно», не учитывать интересы и тревоги другой стороны определяет позицию США на переговорах о разоружении. Они примерно так подходят к переговорам: постараемся «по-хорошему» убедить «русских» принять нашу позицию, согласиться на наши условия, а если не получится, обойдем их в гонке вооружений и навяжем свои условия. Пустое все это. Гонку вооружений, как уже говорилось, выиграть нельзя. «Каждый шаг вперед в гонке вооружений,— справедливо замечает «Нью-Йорк тайме»,— вынуждает противника принять ответные меры. Эти ответные меры сокращают уровень безопасности и стабильности и приводят к ухудшению ситуации для обеих сторон. Из порочного круга никак не удастся выйти, поскольку сиюминутные преимущества всегда ближе, чем отдаленная перспектива контрмер, принимаемых противником». Не вооружение, а взаимное разоружение стало главным и единственно надежным элементом национальной безопасности каждой стороны. В Москве это четко осознается. «Сейчас, как никогда,— говорит М. С. Горбачев,— нужна политика дальновидная, основанная на понимании реальностей и тех опасностей, с которыми мы неизбежно встретимся завтра, если сегодня те, кто может и должен принять единственно верное решение, уклонятся от лежащей на них ответственности!». В Москве от ответственности не уклоняются.

В Вашингтоне — другая атмосфера. Американцы, загипнотизированные своими финансовыми и техническими возможностями, всё надеются: ну, еще несколько сотен миллиардов, еще один триллион долларов, ну, еще одно военно-техническое «чудо» и не нужно никаких переговоров с Советским Союзом, все будет в порядке, безопасность будет гарантирована, если не на 150, то уж наввер-

няка на все "100 процентов. Эта наивная точка зрения легла в основу военной политики США. Хотя её уязвимость давно выявлена. «Ключ к безопасности,—утверждает Р. Гарвмн,—лежит не в новшествах, разрабатываемых в военных лабораториях, а в прогрессе за столом переговоров». Аналогичное суждение высказывает и Т. Пауэре: «Теперь вся наша страна зависит от здравого смысла Советского Союза. Это реальный жизненный факт. Специалисты могут понастроить всяких технических чудес, однако обеспечить нам безопасность они не в состоянии. Если нам суждено когда-либо вновь жить в безопасности, то для этого такую же безопасность должны получить и русские. Это означает, что необходимы соглашения за столом переговоров, причем сейчас, прежде чем мы начали всерьез расходовать деньги, ибо тогда мы уже не сможем остановиться». Один из парадоксов американской политической жизни: с одной стороны, нет недостатка в здравых, глубоких суждениях относительно общей стратегической ситуации и ее требований, а с другой — примитивная, доядерная по своим теоретическим основам политика,

Выход из тупика

Объективно существует единственный выход из ракетно-ядерного тупика. Надо договариваться. Надо вести переговоры и договариваться о том, чтобы повернуть вспять гонку вооружений на Земле и предотвратить ее распространение на космос. Еще в августе 1981 года СССР выдвинул проект «Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода». В августе 1983 года, развивая и обогащая свою инициативу, Советский Союз предложил всем членам ООН заключить «Договор о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли», Дискуссии, развернувшиеся на 38-й

и 39-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, показали, что предложения СССР встречают широкий положительный отклик. Против,— как всегда, США и ряд стран НАТО.

В преддверии 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз предложил включить в ее повестку дня вопрос «О международном сотрудничестве в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации». Выдвигая это предложение, писал министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе генеральному секретарю ООН, Советский Союз «исходит из того, что человечество стоит сейчас перед выбором: либо космос будет приносить все более ощутимые плоды для улучшения условий жизни обитателей нашей планеты, либо он превратится для них в источник новой смертельной опасности». Выступая за крупномасштабное освоение и использование космоса на благо человека, Советский Союз предлагает, чтобы члены ООН отказались от создания (включая научно-исследовательские работы), испытаний и развертывания ударных космических вооружений. Для налаживания и осуществления взаимодействия государств могла бы быть создана всемирная организация по международному сотрудничеству в мирном использовании и исследовании космического пространства.

Подавляющее большинство участников Генеральной Ассамблеи ООН с интересом и одобрением восприняли новую советскую инициативу. США, разумеется, выступили против...

Трудно перечислить все «кет», которые были ответом на советские предложения о разоружении за послевоенные годы. Похоже, наши партнеры, руководствуясь опытом и представлениями позавчерашнего дня, не хотят ни разоружаться на Земле, ни предотвратить появление вооружений в космосе.

По мнению Дж. Киурта, СОИ не может являться предметом переговоров. «Она представляет собой необходимый катализатор для таких переговоров, который в течение многих лет отсутствовал.

Существование такой программы предствдвяе'г сб-бой стимул для достижения действительно радикального сокращения стратегических вооружений». «Президент,— говорит К. Уайнбергер,— преисполнен решимости не отказываться от СОИ в обмен на какие-то уступай с советской стороны, не прекращать нашш исследований по этой программе «и при каких обстоятельствах».

Так что же делать на переговорах? По мнению американских руководителей, переговоры должны решить двуединую задачу. Первое: принять американскую концепцию сокращения наступательных потенциалов. И второе: договориться о создании оборонительных стратегических систем. Мы готовы, заявляет главный советник: президента и государственного секретаря по вопросам разоружения П. Нитце, обсудить с Советским Союзом возможные пути «совместного перехода к установлению более стабильных и надежных отношений на основе расширения арсенала оборонительных систем». В результате переговоров стороны должньГ начать «испытания, разработку и развертывание живучих и рентабельных систем обороны размеренными темпами с особым упором на неядерную оборону». Итак, переговоры не о том, как остановить гонку вооружений, а о том, как вести ее «размеренными темпами»...

Такие переговоры с точки зрения СССР не имеют смысла. О чем и было сказано Р. Рейгану в Женеве. Жестко связывая сокращение вооружения на Земле с отказом от милитаризации космоса, Советский Союз исходит из того, что появление оружия в космосе увеличит масштабы военного соперничества, создаст реальную угрозу выхода гонки вооружений из-под контроля. Само понятие стратегической стабильности утратило бы свою определенность. Можно было бы говорить о возникновении стратегического хаоса. Вот почему мы хотим предотвратить милитаризацию космоса. Вот почему мы считаем, что реализация СОИ перечеркивает возможность сокращения ракетно-ядерных вооружений.

Но президент США не сделал попытку взглянуть на СОИ глазами Советского Союза. Американцы обладают удивительной, даже иногда обескураживающей нормального человека способностью видеть все по-американски, считаться только со своими интересами, своими желаниями. Почти все их предложения на переговорах об ограничении и сокращении вооружений всегда и последовательно были именно американскими предложениями, которые делаются партнеру, будто бы не имеющему своих интересов. «У американской администрации,— пишет в «Вашингтон пост» Роберт Кайзер,— фактически нет никакой концепции того, какой договоренности она, собственно, хочет добиться, или как она может убедить русских двигаться в том же направлении. Эта администрация всерьез пытается оградить все имеющиеся у американцев преимущества и новые программы, одновременно вынуждая русских отказаться от многого из того, что есть в этом смысле у них. Это отнюдь не назовешь формулой успеха». Со своим коллегой согласен и обозреватель «Нью-Йорк тайме» Том Уикер. «Мысль о том,— пишет он,— что США могут продолжать наращивать вооружения, убеждая или вынуждая Москву проводить сокращения, представляет собою роковое противоречие, которое было краеугольным камнем рейгановской политики в области контроля над вооружениями...» И это «роковое противоречие» продолжает существовать, делая американскую позицию на переговорах несовместимой с желанным и столь необходимым компромиссом.

Позиция Советского Союза по всему комплексу рассматриваемых проблем формулировалась неоднократно. Повторю ее. Ядерное разоружение возможно лишь в пакете с запрещением ударных космических вооружений. При этом приоритетное значение имеет именно вопрос о космических вооружениях. В космос не должно выводиться и размещаться там — будь то на пилотируемых или непилотируемых системах — оружие любого рода: обычное, ядерное, лазерное, пучковое или какое-

л>Ибо другое. Ударные космические вооружения, основанные на любых принципах действия и любых видов базирования, не должны создаваться, испытываться и развертываться юи для поражения целей, находящихся в космосе, ни для использования из космоса против целей на Земле, в воздухе и на /лоре. Уже созданные такие средства должны быть уничтожены.

Наша позиция на переговорах последовательно исходит из необходимости сохранения ракетно-ядерного паритета. Всем понятно, что мир, основанный на «равновесии страха», мир, опирающийся на возможность «взаимного гарантированного уничтожения»,— отнюдь не лучший из миров. Мы не считали и не считаем нынешнее положение идеальным. «Равновесие страха» спасает от войны, но и таит в себе угрозу войны. Мы предлагаем: сохраняя равновесие, последовательно обеспечивая одинаковую безопасность сторон, поэтапно идти к снижению уровней ракетно-ядерного вооружения до полной его ликвидации к 2000 году.

Американцы предлагают: давайте начнем создание надежных систем противоракетной обороны и параллельно будем думать о снижении наступательных потенциалов, в пределе — до нуля. Но если не будет наступательных вооружений, зачем нужна ПРО? А если ПРО будет обладать и наступательным потенциалом, что же тогда изменится? Снова гонка — только других типов оружия. Нет, мы не видим смысла в логике американцев. Нам представляется, что более логичен и более безопасен иной путь: не покушаясь на Договор по ПРО, договариваться и сокращать наступательные вооружения. Если мы выпустим космического джинна из бутылки, упятать его обратно будет практически невозможно.

31 октября 1985 года мелькнул было проблеск надежды. Отвечая на вопросы советских журналистов, Р. Рейган трижды повторил: Соединенные Штаты не развернут систему ПРО с элементами космического базирования, пока, как сказал президент, «мы не избавимся от наших ядерных ра-

кет, наших наступательных ракет». Но; увы! Проблеск мелькнул и тут же погас, вернее, был погашен. Заместитель пресс-секретаря Белого дома Ларри Спикс фактически дезавуировал своего президента. США, заявил Спикс, не собираются «в одностороннем порядке разоружать свой наступательный потенциал». И снова все стало на свои места: путь к демилитаризации на Земле проходит через милитаризацию космоса. И вообще путь к разоружению проходит через перевооружение, довооружение и т. д. и т. п. Сначала мы перегоним Советский Союз, докажем свое превосходство, а потом будем разоружаться...

Но ведь есть же уроки истории...

Когда-то мы говорили американцам: давайте договоримся и не будем оснащать ракеты многозарядными боеголовками. «Нет»,— ответили американцы. Они жаждали превосходства. Им нужны были «козыри», «стимулы», чтобы воздействовать на Москву. Воздействовали. Многозарядные боеголовки появились и у нас. Превосходство оказалось мифом. Стратегическая стабильность уменьшилась для обеих сторон¹.

Затем мы говорили американцам: давайте устроимся и не будем разворачивать крылатые ракеты большой дальности. «Нет»,— ответили нам американцы. И опять они надеялись получить превосходство, получить «козыри» и т. п. И опять ничего не получилось, кроме нового нагнетания недоверия,

---

¹ «При нынешнем положении дел,— писал, например, директор Федерации американских ученых Джеремиа Стоун,— Соединенные Штаты готовы повторить свою ошибку конца 60-х годов, когда они, стремясь ни в коем случае не ослабить давления на Советский Союз на переговорах, настолько активно добивались осуществления программы установки на ракетах разделяющихся головных частей индивидуального наведения, что в результате оказалось вообще невозможно вести переговоры по проблеме РГЧ.. Впоследствии Советский Союз осуществил свою собственную программу разворачивания РГЧ, и наши МБР стали уязвимыми. Теперь мы, как и следовало ожидать, расплачиваемся за ошибку...»

Подозрительности, новых трудностей и процесса контроля над вооружениями.

Теперь мы говорим американцам: давайте подумаем, давайте учтем накопленный опыт, пусть космос служит мирным целям, «Нет»,— отвечают американцы, обуреваемые таким технологическим суперменством. «Нет»,— отвечают они. «Нет»,— потому что они не теряют надежду. «Если мы сможем,— заявил в конгрессе К. Уайнбергер,— получить систему, которая будет эффективной и сможет сделать вооружения Советского Союза неэффективными, тогда мы сможем вернуться к ситуации, в которой мы находились, когда мы были единственной страной, обладающей ядерным оружием». Вот ради того, чтобы вернуться в прошлое, вернуть свое превосходство, стать сильнее и неуязвимее, вот ради этого и упорствуют американцы, монотонно твердя свое «нет». И при нынешних уровнях и качестве вооружений, при нынешней степени международной напряженности, при наличии терзающих народы глобальных проблем, решение которых невозможно в условиях гонки вооружений, американское «нет» звучит как вызов истории, как преступление перед человечеством и человечностью.

В январе все в той же Женеве начался четвертый раунд советско-американских переговоров о сокращении стратегических вооружений. На столе лежат два пакета предложений—советский и американский. Предложения во многом расходятся. Но есть реальная возможность сблизить позиции, нащупать, найти взаимоприемлемый компромисс. И если поиск компромисса может зайти в тупик, то причиной этого будет позиция США, не желающих отказываться от СОИ. Складывается странное, почти парадоксальное положение: оружие, которого еще нет, блокирует сокращение оружия, которое есть, которое уже существует. И не только.

---

¹ «Буквально все технические инициативы в области гонки ядерных вооружений,— пишут Роберт Макнамара и лауреат Нобелевской премии Ганс Бете,— исходят от Соединенных Штатов, но нетто-результатом оказался постепенный подрыв американской безопасности».

блокирует. Планы «звездных войн», если от них вовремя не отказаться, провоцируют наращивание вооружений обеими сторонами.

Космический щит, который собираются создать Соединенные Штаты, на самом деле окажется еще одним дамокловым мечом, угрожающим всем странам и всем народам. Поэтому борьба против программы «звездных войн» — всеобщая задача. И, думаю, самая главная, самая актуальная международная задача сегодняшнего и завтрашнего дня.

Освоение космоса — одна из глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Выходя из земной колыбели, люди лицом к лицу сталкиваются с бесконечностью окружающей их Вселенной. И это не только бесконечность пространства и времени. Это — бесконечность тайны, и могущества. Расширение сферы познанного не означает сужения сферы непознанного. Космос можно осваивать, но его нельзя освоить, С помощью человека природа познает, но не «завоевывает» самое себя. Погружение в эти и аналогичные им истины — обязательная предпосылка окончательного преодоления психологизма геоцентризма и антропоцентризма, создания мировоззренческой системы координат, адекватной космическому бытию человечества.

Цивилизация космического типа — очень далекая перспектива. Перспектива ближняя — использование растущего космического потенциала человечества для того, чтобы облегчить груз тревог и забот цивилизации нынешней, земной. Уже сегодня исследования, проводимые на околоземной орбите, помогают решать прикладные задачи самого различного свойства. И спектр земных задач, получающих космическое решение, будет расширяться и расширяться.

Но все это — м дальняя перспектива, и перспектива ближняя, и обустройство человечества в космосе, и космическая помощь в наших сугубо земных делах, — все это возможно лишь при сохранении мира. И на земле и в космосе. Банальная

метина. Но далеко не банально её постижение и утверждение. О чем еще раз свидетельствует американская программа «звездных войн».

После женевской встречи в верхах в Вашингтоне усилилась борьба вокруг СОВ. И очень хотелось бы надеяться, что Белый дом не сказал еще последнее слово. Хотелось бы надеяться, что сила доводов, сила примера, который показывает Советский Союз, сила здравого смысла позволят переломить опасный ход событий.

БГЛАВЛЁНИЕ

- 4 Чуть-чуть истории
- 5 «Звездная речь» президента
- 10 Некоторые технические ас*
пекты
- 12 Те, кто «за»
- 14 Те, кто «против»
- 18 «А Васька слушает...»
- 21 «Линия Мажино космиче-
ской эры»
- 24 Действие и противодействие
- 27 Ненадежная надежность
- 29 «Поэтапность» и «многослойность»
- 32 Двухъярусный вариант
- 35 Секрет «звездных войн»
- 37 Обещают стабильность...
- 39 Польза и вред сомнений
- 41 О «добрых намерениях» и
первом ударе
- 45 Только оборона? Нет, и на-
падение!
- 48 Погоня за превосходством
- 54 «...Они не смогут за нами
угнаться»
- 56 Моралисты из Вашингтона
- 60 Западная Европа: «тревоги
стратегического порядка»
- 65 Условия поддержки
- 67 Американский прессинг
- 72 «Эврика»
- 77 Париж. Бонн. Лондон
- 84 Договор под ударом
- 89 Охота за спутниками
- 93 И буква, и дух
- 97 Цепная реакция последст-
вий
- 101 Выход из тупика

Бовин А. Е.

Б72 Космические фантазии и земная реальность.—М.: Сов. Россия, 1986.—112 с.—(По ту сторону).

Будет ли гонка вооружений перенесена в космос? Какие опасности для человечества таит в себе курс администрации США на реализацию программы «звездных войн»? Таковы одни из наиболее острых, наиболее актуальных вопросов современности. Опираясь на большой фактический материал, на многочисленные суждения специалистов — прежде всего американских, автор раскрывает провокационный, дестабилизирующий смысл так называемой «стратегической оборонной инициативы»^{*} Критически анализируются и отвергаются аргументы в защиту милитаризации космоса. обстоятельно излагается политика Советского Союза, направленная на сохранение в силе «Договора об ограничении систем противоракетной обороны», на ограничение, сокращение, в затем и полное уничтожение ядерных вооружений.

0804000000-104
Б М-105(03)86 КБ-50-9-1986

321

Александр Евгеньевич Бовин

**КОСМИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ
И ЗЕМНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художественный редактор А. С. Кулемин
Технический редактор Г. О. Нефедова
Корректор Т. А. Лебедева

ИБ № 5012

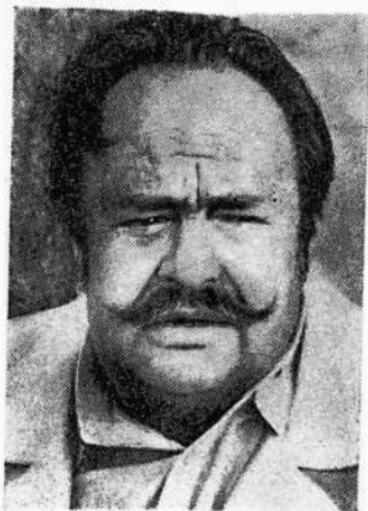
Сдано в набор 10.10.85. Подл. в печать 28.01.86.
A02221. Формат 84X100/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,75. Уч.-изд. л. 5,30.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 398. Цена 35 к. Изд. ийд.
ХД-499.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Мфскрвской области, ул. им. Теврсяна, 25.

ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ

Александр Евгеньевич Бовин — известный журналист-международник.

По образованию юрист. С 1972 года работает политическим обозревателем газеты «Известия».

Лауреат Государственной премии СССР и премии имени В. В. Воровского.

Кандидат философских наук.